

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы [Тихомирова] архиепископа Тверского [и Кашинского († 13 октября 1896 г.): Том 2. (1851—1862 гг.) Год: 1861] // Богословский вестник 1899. Т. 2. № 5. С. 561—624 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 561 —

на меня—новаго ректора академіи, и какое понятіе внушило 1861 г. мнѣ о духѣ и направленіи монахъ будущихъ питомцевъ.

Но прибывши въ академію, я былъ утѣшенъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что наставники, въ особенности старшіе, у которыхъ я самъ былъ ученикомъ, приняли меня съ любовію и добрымъ расположеніемъ, а также братски встрѣтили меня лаврскій о. намѣстникъ, архим. Антоній, къ которому однажды, на всякій случай, я запасся рекомендательнымъ письмомъ отъ владыки: ибо мнѣ было извѣстно, что о Антоній не ко всемъ ректорамъ былъ въ мирныхъ отношеніяхъ; въ особенности онъ былъ почему-то не очень расположенъ къ отцу ректору, архимандр. Алексію¹⁾.

Вотъ что писалъ владыка къ о. намѣстнику отъ 20-го января:

„Новый ректоръ проситъ меня поставить васъ съ нимъ въ доброе отношеніе. Надѣюсь сего, еслибы я и не напомнилъ. Его положеніе не безъ трудностей. Могутъ быть случаи, въ которыхъ вашъ откровенный совѣтъ будетъ ему полезенъ“²⁾.

Въ то-же время митрополитъ писалъ къ профессору академіи, прот. А. В. Горскому отъ того-же 20-го января:

„Къ вамъ обращаюсь, потому что чаще встрѣчаюсь съ вами: а слово мое, вмѣстѣ съ вами, ко всему академическому собору. Примите съ любовію новаго ректора и сохраните мнѣ утѣшеніе, которое всегда имѣлъ, видѣть васъ, по возможности, каждаго въ единодушій пекущихся о нетинномъ благѣ и достоинствѣ академіи“³⁾.

Вступленіе свое въ новую должность я началъ служеніемъ въ храмѣ Божіемъ и поклоненіемъ предъ великою лаврскою святынею. На другой день, по прибытіи въ Академію, въ воскресенье, служилъ я литургію въ трапезной церкви, гдѣ обыкновенно, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, отправлялась академическая служба; а на слѣдующій день, по приглашенію о. намѣстника, снодобился отслужить въ Троицкомъ соборѣ, при мошахъ угодника Божія Сергія.

¹⁾ Рязаницынъ. Съ 9 сент. 1876 г. архиеп. Твер. ; 9 іюня 1877 г.

²⁾ *Письма и Филарета къ архим. Антонію.* ч. IV, № 1368, стр. 276 Москва, 1884

³⁾ *Приб. къ Твор. св. Отцевъ* за 1882 г. ч. XXIX, стран. 543

1861 г. Со вторника, 24-го числа, я долженъ быть уже вступилъ въ отправленіе своихъ обычныхъ ректорскихъ обязанностей.

Обязанности мои по службѣ академической были многосложны и разнообразны. На мнѣ, какъ ректорѣ, лежало главное наблюденіе и распоряженіе по всѣмъ частямъ академическаго управленія; при томъ, я былъ облеченъ званіемъ и профессора догматическаго богословія и члена академической конференціи, а равно внутренняго и вѣдущаго правленій, и предсѣдателя комитета по изданію твореній св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, и предсѣдателя цензурнаго комитета и цензора проповѣдей, произносимыхъ въ Троицкомъ соборѣ профессорами академіи и Виѣанской семинаріи, а также священниками посадскихъ и окрестныхъ сельскихъ церквей, наконецъ, за мною остался и почетный титулъ члена Московской дух. консисторіи. Но изъ всѣхъ этихъ обязанностей, безъ сомнѣнія, самую трудною для меня была обязанность профессора, къ которой я мало, или почти нисколько не былъ подготовленъ. Я умолялъ митрополита освободить меня, но крайней мѣрѣ, отъ этой должности; но онъ остался не умолимъ и представлялъ мнѣ себя въ примѣръ, сообщивши мнѣ при этомъ понятіе о методѣ, какого онъ держался при преподаваніи лекцій въ Петербургской академіи. „Половину времени,—говорилъ онъ мнѣ,—употреблялъ я на изъясненіе лекціи, а другую половину на речетцію“. — Но что было удобно дѣлать,—подумалъ я при этомъ,—въ первой четверти XIX столѣтія, то едвали удобопримѣнимо во 2-й половинѣ того-же столѣтія.

Но прежде, чѣмъ я приступилъ къ чтенію лекцій, я снова подвергся столь сильной простудѣ, что, недѣли двѣ не могъ выходить изъ комнаты.

24-го января я успѣшилъ донести о своемъ вступленіи въ новую должность высокопреосвященнѣйшему митрополиту. Я писалъ его высокопреосвященству:

„Честь имѣю низжайше донести вашему высокопреосвященству о моемъ прибытіи къ мѣсту моего новаго служенія. Прибылъ я въ Лавру 21-го сего января въ первомъ часу пополудни, и, поклонившись преп. Сергію, тотчасъ успѣшилъ явиться съ письмомъ вашего высокопреосвященства къ о. намѣстнику, который принялъ меня съ братскою лю-

бовію, какъ стараго знакомаго. На другої день, въ воскресенье, по совершеніи литургіи въ трапезной церкви, мнѣ представлены были наставники академіи и студенты, которыхъ потомъ видѣлъ я въ столовой, а вечеромъ въ ихъ занятыхъ комнатахъ. Въ понедѣльникъ, по благосклонному предложенію о намѣтника, я имѣлъ утѣшеніе отслужить литургію, и затѣмъ молебень пресв. Троицѣ и преп. Сергію, въ Троицкомъ соборѣ. Призвавши такъ образомъ въ помощь Бога и Его великаго угодника Сергія, я приступилъ къ принятію академіи и отправленію обычныхъ ректорскихъ обязанностей

Вторично приношу, и никогда не пресану приносить вашему высокопреосвященству мою сыновнюю благодарность за ваше милостивѣйшее, архипастырское благоволеніе и довѣріе ко мнѣ недостойному. Желалъ-бы вполнѣ оправдать столь лестное для меня довѣріе вашего высокопреосвященства: но чувствую, что едва ли въ состояніи буду исполнять, какъ должно, возложенныя на меня обязанности. Только упованіе на помощь Божию,—на предстательство преп. Сергія и на ваши святительскія молитвы ободряютъ меня, при вступленіи моемъ на многотрудное поприще новаго служенія“.

Въ тотъ-же день писалъ я и своему доброму другу, пресв. Леониду:

„Прежде всего позвольте принести вашему преосвященству мою искреннюю, сердечную благодарность за ваше ко мнѣ неизмѣнное благорасположеніе и довѣріе. Много, очень много пріятнаго, утѣшительнаго и душеполезнаго получилъ я отъ духовнаго общенія съ вашимъ преосвященствомъ въ теченіи 10-ти лѣтъ. Да воздастъ вамъ за сіе сторицею небесный Мздовоздатель.

Пріятнымъ долгомъ поставляю сообщить вашему преосвященству краткую повѣсть о моемъ прибытіи къ мѣсту моего новаго служенія, и о вступленіи въ новую должность. Выѣхавши въ субботу, 21-го числа, изъ Москвы въ половинѣ 6-го ч. утра, прибылъ я въ Лавру въ половинѣ перваго часа по полудни. Подѣхавши прямо къ ректорской квартирѣ, я нашелъ ее запертою, потому что пріѣздъ мой былъ не совсемъ ожидаемый; меня ожидали къ вечеру. Впрочемъ сію же минуту, узнавши о моемъ прибытіи, явился ко мнѣ о.

1861 г. Порфирій съ о. Михаиломъ ¹⁾ и Петромъ Спиридоновичемъ ²⁾, вышедшимъ на ту пору изъ класса. Послѣ взаимныхъ и краткихъ привѣтствій съ ними, я тотчасъ поспѣшилъ явиться и пасть къ стопамъ прец. Сергія. За тѣмъ, возвратившись въ ректорскіе покои, я пригласилъ о. Порфирія раздѣлить со мною трапезу, которую догадливыи о. эконоомъ ³⁾ приготовить для меня—странника. Послѣ вечерни явился я къ о. намѣстнику съ письмомъ отъ владыки. Онъ принялъ меня весьма любезно, сказалъ мнѣ нѣсколько назидательныхъ словъ и гутъ же предложилъ мнѣ отслужить въ понедѣльникъ литургію съ молебномъ Пресв. Троицѣ и прец. Сергію въ Троицкомъ соборѣ, что я принялъ съ великою благодарностію. За гѣмъ, въ 6 часовъ, пригласили меня ко всеобщей въ звѣстную вамъ залу. Богослуженіе совершено было на первый разъ довольно чинно, а пѣніемъ пѣвчихъ я былъ даже удивленъ: такого стройнаго пѣнія я никогда не слыхалъ въ академіи. На другой день, въ воскресенье, служилъ я литургію въ трапезной церкви съ Александромъ Васильичемъ ⁴⁾ и однимъ изъ лаврскихъ іеромонаховъ, въ которомъ я совершенно неожиданно (такъ какъ онъ пѣкогда отправленъ былъ въ миссію въ Камчатку) встрѣтилъ моего презняго академическаго духовника: это о. Арева. Послѣ литургии, представлены были мнѣ всеѣ наставники академіи, которые съ побовію приняли меня и по обычаю подшесли мнѣ хлѣбъ и соль. Черезъ нѣсколько минутъ введены были въ мою залу всеѣ студенты, которымъ я объяснилъ, что на первый разъ я пожелаю видѣть ихъ всеѣхъ вмѣстѣ у себя за тѣмъ, чтобы передать имъ отъ святителей Московскихъ и отъ архипастыря нашего миръ и благословеніе Божіе, и за тѣмъ каждого изъ нихъ благословилъ, спрашивая каждого о фамиліи и изъ какой онъ семинаріи. Послѣ сего, отсутствіи студентовъ, въ слѣдъ за ними отправился я, въ сопровожденіи инспектора ⁵⁾ и эконома, въ столовую и благословилъ

¹⁾ Лузиль (съ 1860 — архимандритъ, 1861 г. 25 марта — инспек. акад. 1876 г.—рект. ак. 1877 г.—еписк. Уманскій и ректоръ Кіевской дух. академіи, 1883 г.—еписк. Курскій ; 20 марта 1887 г.

²⁾ Деліцныиъ. О немъ см. т. I „Хроники“, по указанию.

³⁾ Іеромонахъ Геронгій (Никольскій). ; 1867.

⁴⁾ Горекимъ.

⁵⁾ Упомянутаго выше архимандрита Порфирія (Шопова).

ихъ трапезу, а вечеромъ, такъ-же въ сопровожденіи инспектора, посѣтить ихъ въ ихъ занятыхъ комнатахъ и осмотрѣть все почти академическія помѣщенія. Въ понедѣльникъ, какъ выше было сказано, служить я въ Троицкомъ соборѣ: вечеромъ дѣлать обычныя визиты моимъ новымъ сослуживцамъ. Сегодня началъ уже подписывать официальные бумаги: по о лекціяхъ не начиналъ еще и думать,—а это всего болѣе меня озабочиваетъ. Прошу усерднѣе ваше пресвященство вспомоствовать мнѣ въ этомъ многотрудномъ для меня дѣлѣ вашими святительскими молитвами.

Испрашивая вашего архипастырскаго благословенія, имѣю честь быть, вашего пресвященства, милостиваго архипастыря и отца ипакѣйшимъ послушникомъ Московской дух. академіи ректоръ архим. Савва*.

Пресвященный не замедлить мнѣ отвѣтить; онъ писалъ отъ 26-го числа:

„Сердечно благодарю васъ за скорое сообщеніе чрезвычайно интереснаго для меня извѣстія о водвореніи вашемъ во второй разъ подъ кровомъ пр. Сергія. Есть во мнѣ увѣренность, что искренности вашихъ отношеній ко всемъ окружающимъ васъ людямъ и обстоятельствамъ, благочестивая преданность къ пр. Сергію, при мудромъ руководствѣ владыки, при всегда готовой для насъ помощи благодати, удобно выведутъ васъ изъ трудностей, которыхъ такъ много вы очутились, конечно, не для того, чтобы придти въ уныніе, а для того, чтобы приготовиться дѣйствовать вѣрно.

Исполняя порученіе преосв. Сергія †), я говорилъ о Заиконоспасскомъ монастырѣ и владыка согласился, что не должно оставлять его надолго безъ настоятеля; но не надѣюсь, чтобы скоро посрѣдствовало назначеніе, такъ какъ владыку подавляетъ множество дѣлъ—не трудностію для его ума и опытности, но численностію, для одолѣнія которой не достаетъ времени.

Же такъ, чтобы какъ можно скорѣе вы стали, хоть по монастырю, москвичемъ, а пока надѣюсь, что пространство, не дающее мнѣ видѣть ваше лицо, не воспренятствуетъ мнѣ видѣть любовь вашу, за которую я и благодарю, какъ за что-то полученное, потому-что хочу продолжать пользоваться

* Иншденскаго, епископа Курскаго

1861 г. ся дарами. Если минуты свободы внушатъ вамъ когда-нибудь написать ко мнѣ письмо съ тѣмъ-же характеромъ журнала какой есть въ полученномъ мною первомъ письмѣ, я буду очень благодаренъ внушеніямъ этихъ минутъ.

Меня не покидаетъ простуда и потому я не покидаю кельи и если выѣзжаю, то единственно на Троицкое подворье, да нѣтъ и желанія къ выѣздамъ.

Простите. Помяните молитвою у мощей преподобнаго и добрымъ желаніемъ душевно вамъ преданнаго“.

27-го ч. писала мнѣ изъ Москвы княгиня Лидія Григорьевна Дадіанъ (урожденная баронесса Розентъ—родная сестра пѣвѣстной игуменіи Митрофаніи):

„Позвольте и мнѣ принести вамъ искреннюю мою и мука моего признательность за все ваше доброе расположеніе къ намъ. Мы были истинно тронуты до глубины души 19-го ч. сего мѣсяца ¹⁾, когда вы не отказали въ нашей просьбѣ, утѣшили насъ, пріѣхали къ намъ наканунѣ вашего отъѣзда изъ Москвы; теперь же, желала-бы выразить всю мою вамъ благодарность, но нѣтъ достаточно словъ, которыми можно благодарить за чувство расположенія.

Получили отъ васъ просфору въ знакъ того, что вы насъ не позабываете у престола Всевышняго; надѣмся, и просимъ васъ о продолженіи святыхъ вашихъ молитвъ о насъ грѣшныхъ:

Съ душевной преданностью, остаюсь вашего высокопреподобія, многоуважающая“...

Въ концѣ письма сдѣлана рукою князя А. Дадіанъ слѣд. приписка:

„Я не могу пропустить сего удобнаго случая, что бы тоже, какъ жена моя, не поблагодарить ваше высокопреподобіе за ваше милостивое вниманіе къ намъ, и не попросить васъ не забывать насъ въ вашихъ святыхъ молитвахъ

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію остаюсь на всегда вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга“...

Князь Дадіанъ пѣвѣстенъ своею печальною судьбою, постигнушею его въ слѣдствіе доноса на него Государю Импера-

---

¹⁾ Въ этотъ день князь и княгиня Дадіанъ праздновали свою такъ называемую серебряную свадьбу

тору Николаю о его будто-бы злоупотребленіяхъ по службѣ 1861 г. Донось этотъ сдѣланъ былъ Государю на пути слѣдованія Его Величества въ Тифлисъ, гдѣ Дадіанъ былъ на службѣ подѣ начальствомъ своего тестя, барона Розена—главнокомандующаго на Кавказѣ. Разгнѣванный Государь, прибывъ въ Тифлисъ, безъ предварительнаго изслѣдованія, публично, среди развода на площади предѣ домомъ главнокомандующаго, въ виду его семейства, сорвалъ съ князя Дадіанъ аксельбанты, такъ какъ онъ былъ флигель-адъютантомъ, и тутъ-же прямо съ площади, повелѣлъ отправить его въ Бобруйскую крѣпость, куда послѣдовала за нимъ добровольно и супруга. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ князь освободецъ былъ изъ крѣпости и жилъ съ семействомъ своимъ въ Москвѣ.

29-го ч писалъ я въ Москву высокопреосвящен. митрополиту:

„По случаю перемѣщенія одного изъ членовъ цензурнаго комитета, бывшаго ректора Виѣанской семинаріи архим. Игнатія на должность ректора въ Московскую семинарію, требуется на его мѣсто пѣзрать другаго. Члены академической конференціи, признавая способнымъ къ исполненію цензурскихъ обязанностей экстраординарнаго профессора архим. Михаила ¹⁾, низжайше представляютъ о семъ на предварительное благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства“.

31-го ч. получилъ я письмо также изъ Москвы, отъ возлюбленныхъ Арбатскихъ старцевъ, о протоіерее Сергія Івановича Тихомірова-Платонова и его супруги Любови Яковлевны. Вотъ что писалъ о протоіерей:

„Высокопреподобнѣйшій о. ректоръ, достоважаемый другъ!

Присланный вами пѣзъ св. обители великаго молитвенника благодатный хлѣбъ я и дружина моя приняли съ особенною вамъ благодарностію и утѣшились тою мыслию, что мы, осиротѣвшіе чрезъ разлуку съ вами видимую, можемъ находить еще покой свой у сердца вашего въ чувствахъ любви и вниманія, которыми всегда вы дарили насъ и теперь дарите.

Радостно намъ было услышать отъ очевиднаго свидѣтеля, что г.г. бакалавры академіи старшіе встрѣтили васъ друже-

¹⁾ Лузина, вышеупомянутаго

1861 г. люблю: жемательно, чтобы и весь прочій сонмъ ученый утѣшилъ и постоянно утѣшалъ васъ добродушіемъ и покорностію!

Мы же въ особенный долгъ себя поставляемъ молитвы къ Богоносному отцу, всегдашнему споспѣшнику въ дѣлахъ науки и жизни, чтобы онъ благодѣтельно руководилъ васъ на новомъ пути, на который поставилъ васъ Отецъ милосердія и свѣта духовнаго, и отъ своего смиренія удѣлилъ вамъ духа терпѣнія и благодушія—на стропотныя встрѣчи, не раздѣчныя съ обширнымъ кругомъ предстоящихъ вамъ занятій.

Съ симъ молитвеннымъ желаніемъ поручая себя и дружцу моему ¹⁾ святымъ молитвамъ вашимъ, честь имѣю быть вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою“.

За тѣмъ продолжала Любовь Яковлевна:

„Ваше высокопреподобіе, милостивѣйшій отецъ мой!

Позвольте и мнѣ имѣть честь и удовольствіе принести вамъ чувствительнѣйшую благодарность за вашу милостивую къ намъ память: я твердо увѣрена, что вы и въ отдаленности не лишите насъ старыхъ добраго вашею расположенія, которымъ мы имѣли счастье и утѣшеніе пользоваться нѣсколько лѣтъ; теперь осталась одна, нѣтъ съ нами дорогаго гостя, одно осталось утѣшеніе, чтобы вспоминать намъ прошедшее, счастливое время: желаю отъ всей души, чтобы Господь сохранилъ здоровье ваше и послалъ силы на новые труды ваши.

Поручаю себя и всѣхъ моихъ вашимъ Богоугоднымъ молитвамъ, съ негншимъ уваженіемъ и преданностію честь имѣю быть вашего высокопреподобія покорнѣйшая слуга“.

Недѣли чрезъ двѣ по вступленіи моемъ въ должность ректора академіи, стало обнаруживаться предо мною недоброе направленіе штотомцевъ ввѣреннаго мнѣ заведенія. Въ первыхъ числахъ февраля, не помню, въ какой именно день явился ко мнѣ утромъ начальникъ посадской полиціи съ жалобой на студента старшаго курса Александрова за учиненное въ его квартирѣ, въ мшувиную почъ, буйство. Александровъ, взятый полиціею въ неприличномъ домѣ и притомъ въ нетрезвомъ видѣ, приведенъ въ квартиру полиціе-мейстера

¹⁾ Т е супругу свою.

ночью и здѣсь перебить въ окнахъ стекла, перекутавъ его большую жену. Когда я сказалъ полицеймейстеру, что мы разберемъ неприличнѣйшій поступокъ студента и подвергнемъ его должному взысканію: то онъ умолялъ меня не слишкомъ строго наказывать виновнаго, потому что, въ противномъ случаѣ, ему полицеймейстеру, житья не будетъ отъ студентовъ. Вотъ въ какомъ страхѣ держали полицію питомцы вышшаго духовнаго просвѣщенія!—Когда, по этому случаю, созваны были мною члены академическаго правленія и предложень имъ на судъ поступокъ студента Александра: всѣ единогласно рѣшили немедленно удалить его, какъ неблаговадежнаго воспитанника, изъ академіи, не смотря на ходатайство товарищей по курсу.—Такой быстрый и рѣшительный судъ надъ однимъ негодяемъ не мало повліялъ на прочихъ. Съ этого времени молодежь наша нѣсколько присмирѣла.

2-го февраля писать я въ Москву преосвящ. Леониду:

„По вашему желанію, съ удовольствіемъ продолжаю мою повѣсть о первыхъ шагахъ моеи новой жизни. Не помню хорошо на чемъ я остановился въ первомъ моемъ шествіи къ вашему преосвященству: но я начну съ среды, 25-го ч. День этотъ для меня до сихъ поръ былъ достопамятенъ по двумъ событіямъ въ моеи жизни—по кончинѣ моего родителя и по пріятію мною пресвитерскаго сапа; а теперь онъ будетъ для меня пріенопамятенъ еще и потому, что съ него началось мое *богословствованіе* въ академіи. Въ этотъ день, отстоявши раннюю литургію въ церкви преп. Никона и отслуживши панихиду по родителямъ, я долженъ былъ отправиться въ классъ, но за тѣмъ только, чтобы объясниться съ моими будущими слушателями вкратцѣ, съ чего я намѣренъ начать свои чтенія. Выборъ мой палъ на первый разъ на ученіе о свящ. предаіи. На другой день, въ четвертокъ, я предложилъ братіи обычное утѣшеніе, въ той мысли, чтобы, исполнивши этотъ неизбѣжный долгъ, скорѣе приняться за дѣло: но вышло не то: за дѣло—то и до сихъ поръ я почти не принимался. Вечеромъ, въ этотъ день, вздумалось мнѣ сходить въ знакомую мнѣ издавна академическую баню, въ надеждѣ освободиться совершенно отъ небольшой простуды, съ какою я пріѣхалъ изъ Москвы въ Лавру: но, вмѣсто того, я подвергся, при одѣваніи въ

1861 г. Холодномъ предбанникѣ, новой, гораздо сплыбѣйшей простудѣ, которая на цѣлую недѣлю заключила меня въ четырехъ стѣнахъ моего кабинета. Едва лишь сегодня я могъ только вытти на воздухъ и отслужить, по приглашенію о памѣтника, литургію въ Троицкомъ соборѣ. О прогулкахъ, которыя вы такъ строго мнѣ заповѣдали, до сихъ поръ я не могъ и подумать: не премину впрочемъ, когда выздоровлю, воспользоваться вашими добрыми совѣтами. Въ Москвѣ частые выѣзды мнѣ иногда наскучивали: а здѣсь—это настоящая потребность. Послѣ столпчяго шума и разсѣянія, здѣшняя тишина мало сказать—ощутительна, поразительна для меня, особенно вечеромъ. Если самъ я не приглашу кого-либо, ни одна душа, кромѣ дежурнаго старшаго около 9-ти часовъ, не хочетъ нарушить моеі келейной тишины. Пока свѣжа голова и чувствуешь себя способнымъ заниматься дѣломъ, время идетъ не замѣтно: но, въ противномъ случаѣ, очень скучно, и непремѣнно надобно каго-либо пригласить къ себѣ для собесѣдованія. И я очень благодаренъ своимъ сослуживцамъ, что они не отказываются раздѣлить со мною время; а нѣкоторые изъ нихъ, во время моеі болѣзни, и сами догадывались посѣщать меня.

Отношенія мои къ студентамъ пока, слава Богу, мирны (О, еслибы и всегда было такъ!..)

Поручая себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ и прося вашего благословенія, имѣю честь быть вашего просвященства нпжайшій послушникъ архим. Савва

Вашему келейному юношѣ—князю Мстиславу посылаю мой поклонъ и желаю ему добрыхъ успѣховъ въ наукахъ“¹⁾.

2-го же числа писала мнѣ изъ Москвы А. Б. Нейдгартъ „Княгиня Дадіанъ уже писала вамъ и благодарила за просфору. Если, по причинѣ этой, вы подумаете, что она болѣе меня васъ любитъ,—то я не стану васъ разувѣрять, моя искренняя преданность не можетъ подлежать сомнѣнію, и если вы въ ней еще не убѣждены, то письменное увѣрентіе мое ни къ чему не послужитъ. Княгиня Дадіанъ

¹⁾ Мстиславъ—сынъ умершаго пріятели преосвященнаго Леоніда, князи Валер. Мих. Голыцина. По расположенію къ покойному князю, преосвященный имѣлъ особенное попеченіе о религіозно-православномъ образованіи его сына—мальчика 12-ти-13-ти лѣтъ, но физически необыкновенно развитаго

не подчинила ни пера, ни времени своего хотѣнію вашему, 1861 г. и,—слѣдовательно, свободно распоряжается всѣмъ временемъ своимъ; а я пишу, пишу по цѣлымъ днямъ, въ угодность вамъ всѣмъ—ученымъ. За то теперь знаю, что такое Мишна, Каббала, гносисъ и пр. и неправда-ли, что это мнѣ весьма полезно и занимательно. Но, признаюсь, глаза слабѣютъ отъ безпрестаннаго писанія.—Вздумали было предложить мнѣ быть членомъ дамскаго общества, для распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ, подѣ председательствомъ Алекс. Ник. Стрекаловой ¹⁾, и преосвященный то-же настаивалъ, чтобы я согласилась на это. Но я за совѣтомъ обратилась къ митрополиту, а онъ мнѣ сказалъ—подождать Комитетъ состоитъ изъ весьма многихъ дамъ свѣтскаго общества, изъ коихъ каждая, вѣроятно, говоритъ свое, — шуму-то, шуму сколько! Пропала бы я въ этомъ шумномъ собраніи! Тутъ нѣсколько отдѣловъ; меня приглашали въ отдѣлъ духовный; надо разсуждать, что такая-то, или такая книга полезна или нѣтъ? Что такая-то книга православна, или нѣтъ? И это должна рѣшать женщина! Женщинамъ—членамъ задаютъ урокъ—прочитать ту или другую книгу и дать о ней свое мнѣніе. Владыка же самъ мнѣ сказалъ, что иногда и духовная цензура, по недосмотрѣнію пропускаетъ не православное.—Сергѣй Григорьевичъ Терновскій ²⁾, который тоже членъ общества сего (потому что есть и члены мужчины), сильно убѣждалъ меня быть сотрудницею его: но я все же отказалась, предлагая ему собственно, быть его послушницею и трудиться подѣ его руководствомъ, надѣ чѣмъ будетъ угодно ему. Опъ мнѣ уже говорилъ, чтобы я взяла на себя передѣлать старинный слогъ русскій въ твореніяхъ святителя Тихона Задонскаго, на новѣйшій. Сергѣй Григорьевичъ говоритъ, что я рождена не читать, а писать; и вотъ я пишу, пишу до нельзя. Право, глаза болятъ и рука также.

На этихъ дняхъ я получила письмо отъ преосвящ. Алексія ³⁾. Бѣдный, бѣдный преосвященный Алексій! Вотъ что

¹⁾ Досель здравствующей и стоящей во главѣ цѣлаго отѣла благотворительныхъ учреждений въ Москвѣ

²⁾ Извѣстный протоіерей Московской Вознесенской у Серпуховскихъ воротъ, деревни,—проповѣдникъ и духовникъ Скопц. 13 ок. 1868 г.

³⁾ Ржавицина, изъ Симферополя, куда онъ перемѣненъ быть изъ Тулы въ 1860 году

1861 г.

нишетъ онъ. Живетъ онъ на квартирѣ; дома у него нѣтъ, но церковь есть: монаховъ при немъ нѣтъ ни одного; беретъ священниковъ по очереди изъ приходскихъ церквей; пѣвчихъ набралъ, но дорого стоятъ они ему. Экипажа нѣтъ; когда служить, то долженъ просить у добрыхъ людей лошадей. Ходитъ пѣшкомъ въ консисторію, чтобы учить тамъ, какъ писать указы и опредѣленія, и какъ писать бумаги для архіерея. Говоритъ, что все его тамъ считаютъ за человека, подвергшагося оналѣ. Наконецъ, присовокупляетъ: *благо мнѣ есть, что смирилъ мя Господи!*—Калѣютъ о немъ и владыка¹⁾, и преосвященный²⁾, и графиня Толстая³⁾, которая взяла письмо мое, чтобы послать его мужу своему. Пожалуйте и вы о немъ.—И вотъ я, три дня сряду писала ему предшнее письмо, и только что третьяго дня отправила его.

Пишу вамъ при лампѣ, чтобы не потерять завтрашняго дня. Вотъ вы увидите чрезъ это, что я болѣе занята чѣмъ княгиня Дадіанъ, и, быть можетъ, не станете дѣлать худыхъ обо мнѣ заключеній. А между тѣмъ, я каждый день вспоминаю о васъ, удвоила за васъ ничтожныя молитвы свои, слушала съ величайшимъ участіемъ, когда читали письмо ваше преосвященный, и съ петербургимъ буду обладать, когда-то вы вздумаете уведомить меня о вашемъ житѣбытѣ въ Лаврѣ. Вѣдь я безпокоюсь о васъ! Мнѣ кажется, вы тамъ еще—спрота, и сердцемъ отдохнуть не съ кѣмъ. А моя-то душа и сердце лежатъ къ вамъ, чтобы какъ-нибудь васъ разсѣять отъ мрачныхъ думъ и утѣшить! Вѣрите-ли вы этому? Напишите-же мнѣ пѣсколько строкъ, чтобы успокоить меня на счетъ свой.

Прощайте, батюшка о. Савва, мысленно прошу молитвъ и благословенія вашего для меня, вамъ усердно и искренно преданой А. Нейцгаръ“

Получивъ 5-го числа это интересное письмо образованной свѣтской особы, я отвѣчалъ на него отъ 7-го числа:

„Приношу вамъ мою искреннюю благодарность за ваше доброе и неизмѣнное расположеніе. Съ любовью вспоминаю

¹⁾ Митр. Финяревъ.

²⁾ Леонидъ.

³⁾ Анна Георгиевна.

и ваши пріятныя бесѣды: въ нихъ всегда я находилъ прекрасное развлеченіе и отдохновеніе для души.

Что скажу вамъ о себѣ и о моей новой службѣ? — Здоровье мое послѣ кратковременной болѣзни въ слѣдствіе простуды, благодареніе Господу, поправляется. Начинаю уже мало по малу, при помощи Божіей, занимать дѣлами новой службы. Дѣла административныя, при пособіи умныхъ и опытныхъ совѣтниковъ, какими я окруженъ, кажется, не будутъ для меня особенно затруднительными. Что касается до ученыхъ занятій, то къ нимъ подобно привыкать, да и привыкать. Продолжительная жизнь въ шумной столицѣ, среди ежедневныхъ развлеченій, совершенно разбѣяла мои мысли: теперь конечно не малаго труда будетъ стоить мнѣ пріучить себя и настроить къ сосредоточенію мыслей. Правда, этому весьма благоприятствуетъ здѣшняя, совершенно уединенная жизнь, къ которой я всегда былъ болѣе или менѣе расположенъ.

Если угодно, я изображу вамъ въ краткихъ словахъ, какъ течетъ здѣсь моя обыденная жизнь. Встаю, по прежнему Московскому обычаю, около 6-ти часовъ: послѣ молитвы, принимаюсь за ученую работу. Часовъ съ 9-ти начинаютъ являться ко мнѣ разные чины, бошьщею частію, студенты—письмоводители разныхъ правленій, конференцій, комитетовъ и пр., съ бумагами для подписи: послѣ классовъ изрѣдка заходятъ по разнымъ надобностямъ, профессора, и въ особенности секретари. Около часу пополудни обѣдь и краткій отдыхъ. Часу въ четвертомъ выѣзжаю на полчаса, или на часъ, для прогулки, которая въ настоящемъ моемъ положеніи составляетъ существенную потребность; безъ нея вечеромъ становисься почти неспособенъ къ умственнымъ занятіямъ. Въ 5-ть часовъ—вечерній чай, и за тѣмъ кабинетная ученая работа, которая уже ни къмъ и ни чѣмъ не прерывается въ продолженіи всего вечера, если только самъ не пригласишь кого-либо изъ живущихъ въ академіи наставниковъ по дѣлу, или просто для развлеченія. Если Богъ дастъ здоровье и успѣхъ въ дѣлахъ, то такая уединенная жизнь не будетъ для меня скучна и тяжела“.

5-го числа имѣлъ я честь получить отъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита письмо, въ коемъ онъ отъ 4-го числа изволилъ писать:

1861 г. „Отцу ректору и братіи миръ.

Вы уже имѣли время осмотрѣться. Скажите мнѣ вашу мысль о инспекторѣ академіи ¹⁾, и о назначеніяхъ, которыя сіе должно повлечь за собою.

Не замедлите“.

Я поспѣшилъ отвѣчать на сіе архимастырское письмо, и вотъ что писалъ его высокопреосвященству отъ 7-го числа:

„Ваше высокопреосвященство изволите требовать моего мнѣнія относительно инспектора для академіи и относительно назначеній, которыя за тѣмъ должны послѣдовать.

Прежде всего я долженъ объяснить вашему высокопреосвященству, что, по прибытіи моемъ въ академію, я встрѣтилъ во всѣхъ наставникахъ общую увѣренность и единодушное желаніе видѣть инспекторомъ академіи архим. Михаила. Двухнедѣльное наблюденіе мое за снмъ послѣднимъ не представило мнѣ ничего несогласнаго съ общимъ убѣжденіемъ наставниковъ въ его пользу.

Но не полагаясь вполне на собственное кратковременное наблюденіе, по полученіи письма отъ вашего высокопреосвященства, я тотчасъ поспѣшилъ обратиться за свѣдѣніями относительно архимандрита Михаила къ протоіерею А. В. Горскому, и вотъ какой отзывъ получилъ отъ него:

„Экстраординарный профессоръ архимандритъ Михаилъ служитъ уже 7-й годъ при Академіи. Постоянно съ усердіемъ и любовью занимаясь изученіемъ своего предмета, т. е. св. Писанія, онъ имѣлъ достаточно времени ознакомиться съ нимъ, и дѣйствительно приобрѣлъ довольно обширныя свѣдѣнія о своемъ предметѣ, особенно пользуясь современными нѣмецкими пособіями. Правда, что въ такихъ занятіяхъ обращается вниманіе болѣе на то, что говоритъ та или другая школа герменевтическая, нежели на самый духъ и слово Писанія: но не видно однакоже, чтобы знакомство съ нѣмецкою литературой имѣло вредное вліяніе на образъ мыслей преподавателя, какъ то могли свидѣтельствовать и сочиненія студентовъ, писанныя по его предмету и имъ читанныя, которыя изволили разсматривать и ваше высокопреосвященство въ конференціи, при окончаніи академическихъ курсовъ. Между тѣмъ знакомство съ современными

---

¹⁾ Архим. Порфирій

мирънїями нѣмецкихъ ученыхъ, хотя часто совершенно ложными, представляется необходимымъ для академич. преподавателя, особенно въ настоящее время, и не легко прїобрѣтается. Поэтому для академіи полезнѣе было-бы, чтобы архим. Михаилъ оставался при пей на своемъ предметѣ. Но въ случаѣ, еслибы инспекторомъ академіи назначенъ былъ не онъ, а кто-либо другой: то, хотя св. Писаніе и могло-бы оставаться за архим. Михаиломъ, но самому ему оставаться при Академіи, въ такомъ положеніи, можетъ быть, показалось бы не легко. Притомъ, по своимъ урокамъ, архим. Михаилъ пользуется у студентовъ уваженіемъ и, сколько можно судить по непродолжительному направлению имъ инспекторской должности, онъ можетъ имѣть на нихъ доброе вліяніе и въ этомъ отношеніи“.

Никакнше представляя на архинастырское благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства такой отзывъ объ архим. Михаилѣ о. протоіерея Горскаго, честь имѣю присовокупить, что если вашему высокопреосвященству благоугодно будетъ опредѣлить инспекторомъ академіи архим. Михаила съ оставленіемъ его на томъ-же классѣ св. Писанія, то на классъ Ученія о св. отцахъ и учителяхъ церкви, который былъ за прежнимъ инспекторомъ ¹⁾, можетъ быть опредѣленъ или инспекторъ Костромской семинаріи, соборный іеромонахъ магистръ Корнилій (Орлинковъ) ²⁾, окончившій курсъ академіи въ 1858 г. подъ 7-мъ номеромъ; или профессоръ Внѣанскіи семинаріи Василій Боголѣповъ ³⁾, окончившій курсъ въ прошедшемъ 1860 г. подъ номеромъ 4-мъ. Последній, по отзыву о. протоіерея Горскаго, даровитѣе перваго и для класса былъ бы полезнѣе“.

На это владыка изволилъ писать мнѣ отъ 9-го числа:

„Не противлюсь вашимъ, о. ректоръ, мыслямъ. Но пусть дѣло о инспекторѣ и бакалаврѣ начнется у васъ обыкновеннымъ порядкомъ.“

¹⁾ Архим. Порфиріемъ

²⁾ Съ 1864 г. архимандритъ, съ 1866 г. ректоръ Костромской семинаріи съ 1874 г. по болѣзни глазъ, уволенъ отъ училищной службы и состоитъ настоятелемъ Новгородскаго Антоніева монастыря скончался 21 июля 1886 г.

³⁾ Василій Ивановичъ, который и былъ опредѣленъ бакалавромъ, но по болѣзни выбылъ въ 1863

1861 г. Надобна только увѣренность, чтобы инспекторъ не позволялъ себѣ прихотей, выше которыхъ надлежитъ быть и студентамъ“.

Подъ прихотями, о коихъ упоминается въ письмѣ, разумѣется пристрастіе къ куренію табака. Митрополиту извѣстно было, что архимандритъ Михаилъ не чуждъ быть этой слабости.

Кстати помѣщу здѣсь письмо Московскаго владыки къ ректору Моск. академіи, архим. Евгенію ¹⁾, писанное въ 1856 г. по поводу замѣчанія, сдѣланнаго митрополиту принцемъ Петромъ Гергѣевичемъ Ольденбургскимъ о сильномъ табачномъ запахѣ, замѣченномъ Его Высочествомъ при посѣщеніи имъ спальныхъ комнатъ студентовъ академіи. Вотъ содержаніе этого примѣчательнаго письма ²⁾:

„Извѣстно вамъ, о ректоръ, замѣчаніе одной высокою особы, что въ комнатахъ студентовъ Моск. дух. академіи есть запахъ табака.

Не пріятно думать, что особы, которыхъ сужденіе столько же достойно глубокаго уваженія, сколько чиста ихъ нравственная мысль, будутъ видѣть между получающими высшее образованіе къ духовной службѣ, людей поработенныхъ суетной прихотью, выдуманной мимо природы. Если противъ себя имѣть запрещающаго предписанія, то единственно потому, что желательнее было оказать довѣріе благоразумію людей уже не дѣтскаго ума.

Не странно-ли, что люди изобрѣли себѣ новаго рода голодъ, котораго природа не знала и новаго рода нищу, о которой не думала, посредствомъ привычки сдѣлали себя рабами самой неестественной прихоти и умножили число своихъ нуждъ, сдѣлавъ необходимымъ излишнее?

Люди, имѣющіе притязаніе на любомудріе должны-ли сильно принимать обычаи, пріятныя другимъ, потому что они не приняти труда подумать?

Древній законъ говоритъ служителямъ алтаря: *вина и*

¹⁾ Сахарову-Платонову. Съ 1853 г. — рек. акад. впоследствии сивискому Симбирскому. † 1888 г. іюня 26

²⁾ Письмо это напечатано и перепечатано въ некоторыхъ журналахъ. Подробнѣе о семъ см. въ статьѣ проф. И. Корсунскаго: „Митрополитъ Финляндскій о табакокуреніи“ въ журн. *Наука и Жизнь* за 1890 г. № 8

сикери не пийте, егда входите въ скнию свидѣнія или приступиющимъ вамъ къ олтарю (Лев. X, 2): хотя кромѣ сего случая вино было благословлено къ употребленію и даже удостоено быть приносимымъ къ олтарю. Никто не станетъ спорить, что христіанскій олтарь требуетъ еще большаго благоговѣнія, нежели ветхозавѣтный. Посему позволите ли послѣ служителю олтаря христіанскаго приносить къ нему не вина естественнаго употребленнаго, но смрадъ неестественной прихоти употребленный, смрадъ отъ ядовитой травы; и не долженъ-ли посему гоговящійся къ сему служенію предварительно оскверчаться, чтобы не оставить въ себѣ привычки, не сообразной съ достоинствомъ служенія?

О естественномъ и законномъ употребленіи сказалъ Апостолъ: *не имамъ ясти мяса во вѣкъ, да не соблазну брата моего* (1 Кор. 8, 19) Не ужели служащій олтарю, или гоговящійся къ нему, рѣшится сказать: буду угождать не естественной прихоти, пусть соблазняются?

Скажутъ-ли: предметъ маловажный и не требуетъ строгаго вниманія? Но почему-же вы не откажетесь отъ маловажнаго предмета, а держитесь за него упорно и еще хотите, чтобы другіе отказались отъ него въ пользу вашей прихоти?

Маловажно-ли сіе слово: *горе человеку, илиже соблазнъ прилодитъ?* Отдаю сіе на размышленіе ваше и вѣреннаго вашему руководству. Мнѣ надлежало исполнить мой долгъ, желаю, чтобы и вы исполнили вашъ“.

5-го ч. писалъ мнѣ изъ Петербурга профессоръ Моск. академіи, Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ ¹⁾, вызванный гуда для преподаванія философскихъ наукъ Государю Настѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу:

„Прошу и отъ меня, хотя и отдѣленнаго на время разстояніемъ, но всегда присущаго духомъ Московской академіи, принять усерднѣйшее и почтительнѣйшее поздравленіе со вступленіемъ въ должность ея начальника.

Отъ всей души желаю, чтобы ваша начальственная дѣятельность всегда пользовалась сочувствіемъ и любовью всѣхъ вашихъ подчиненныхъ, и чтобы управленіе академіею было для васъ бременемъ легкимъ и пріятнымъ.

¹⁾ Скопч. 1891 г 3 дек

1861 г.

Что касается до меня лично, то тѣмъ болѣе имѣю причинъ радоваться вашему назначенію, что и прежде пользовался, какъ мнѣ казалось, вашимъ вниманіемъ и добрымъ расположеніемъ, и впредь надѣюсь, что не подамъ повода къ измѣненію прежнихъ вашихъ благосклонныхъ отношеній ко мнѣ.

Если мое привѣтствіе покажется вамъ нѣсколько запоздатымъ, то въ извиненіе примите то обстоятельство, что первое извѣстіе о вашемъ назначеніи я получилъ не здѣсь, а одновременно изъ Москвы и изъ Сергіева посада. Здѣсь я живу очень уединенно и почти никуда не бываю“.

6-го ч. писалъ мнѣ изъ Москвы протоіерей Троицкой, въ Троицкомъ переулкѣ, церкви Іоаннъ Степановичъ Орловъ ¹⁾:

„Всеусердно ваше высокопреподобіе благодарю за ваше сочувствующее вниманіе къ моеи просьбѣ. Отвѣтъ вашъ на просьбу, объявленный мнѣ вчера вечеромъ вашимъ о. экономомъ ²⁾, весьма меня обрадовалъ и меня старика заставилъ какъ-бы помолодѣть. До мая недалеко, а между тѣмъ и выборъ студента будетъ вѣрнѣе, удовлетворительнѣе и благонадежнѣе. О. экономъ извѣстилъ меня о весьма хорошемъ принятіи васъ студентами академіи, „что вы съ ними на первый разъ обошлись просто и тѣмъ внушили въ нихъ большую къ себѣ довѣренность“, ваша прежняя благоусибилая жизнь и несравненная предъ другими опытность даютъ многосильное право на всеобщее уваженіе.

Время наше тревожно многими зачатками, теперь темными, но вмѣстѣ подающими самыя свѣтлыя надежды. Въ 1-й книжѣ *Православнаго Обозрѣнія* на сей годъ помѣщена статья о состояніи церкви во Франціи. Аббатъ Мишо написалъ брошюру объ обновленіи католической церкви, уподобивъ ее ветхой храмнѣ, которой уже нельзя поддержать никакими подпорками, изъявляетъ желаніе пламенное, чтобъ разобрать до основанія это зданіе, и отобразъ священные прочныя остатки и откинувъ все прившедшее, подверженное тлѣнію, какъ все мірское,—создать на святомъ основаніи новую церковь, именно такую, кака была при Римскихъ катакомбахъ до временъ Константина великаго. Папа нало-

¹⁾ О немъ см. „Хроники“ I. 422—423. Сконч. 15 іюля 1864 г.

²⁾ Помянутымъ выше іеромонахомъ Геронтіемъ.

жить на брошюру запрещеніе, но мысль, желаніе и чаяніе 1861 г. уже получили бытіе въ печати и должны осуществиться въ дѣйствительности, когда притомъ ученѣйшія духовныя лица, какъ наприм. этотъ знаменитѣйшій ораторъ доминиканецъ и академикъ Лакордеръ, одушевленъ тою-же мыслию. Это—свѣтлая заря, обѣщающая наиблаженнѣйшій день. Тогда обновленная католическая церковь охотно подастъ руку православной церкви, и доселѣ раздѣленное соединится въ любви о Христѣ. И разлившійся столь многими потоками свободнѣйшихъ и своевольныхъ богословскихъ уметствованій, неходящихъ изъ бездны, преткнется о живой камень и долженъ будетъ погрузиться въ древній святѣйшій источникъ и слиться съ нимъ, и Евангеліе, возвѣщающее благодать и любовь Отца небеснаго и Искушителя челоуѣковъ, въ ясномъ свѣтѣ возвѣстится всей твари во всемъ мірѣ.

Студенты академіи изъ этой статьи должны почерпнуть самыя животворныя наставленія и побужденія къ просвѣщенной духовности и любви къ вѣрѣ и благочестію, какъ пасажденія въ блаженномъ вертоградѣ Господа Иисуса Христа и не прельщаться мерцаніями и блесками вольнодумства.

Съ свѣтлою надеждою заключаю сіи строки.

Прося о продолженіи вашего ко мнѣ благосклоннаго расположенія съ истиннымъ къ вашей особѣ уваженіемъ и преданностію имѣю честь всегда быть“ . .

О. протоіерей Орловъ, какъ ревнитель духовнаго просвѣщенія, прислалъ въ академическое правленіе банковый билетъ, не помню, на какую сумму, чтобы проценты съ этой суммы были употребляемы на поощреніе проповѣдничества въ академіи и чтобы лучшія проповѣди студентовъ, за которыя назначена будетъ денежная награда, были ему присылаемы ¹⁾).

7-го ч. писалъ мнѣ изъ Мурома родственикъ свящ Гавр Вас. Ястребовъ ²⁾:

„Примите и наше семейное поздравленіе съ тою высокою должностію, на которую возвелъ васъ Господь, призирающій на кроткихъ и смиренныхъ.

¹⁾ Эта поощрительная награда протоіерея Орлова и доселѣ выдается студентамъ за лучшія проповѣди

²⁾ О немъ см т I „Хроники“. по указателю

1861 г. Думали-ли вы, бывши у насъ въ Муромѣ, быть у Троицы св. Сергія? думали-ли, учивши дѣтей, быть учителемъ ихъ учителей? Какъ неиспытанны судьбы Господни! Какъ непрослѣдимы пути Божіи, и въ цѣлыхъ народахъ и въ насъ недѣлимыхъ!—Вездѣ глубина—бездна Божіей премудрости и благодати!—Впрочемъ, мнѣ покойный стряпчій—Горицкий ¹⁾ сказывалъ, что изъ вашего рода былъ Геннадій († 1775 г.), архіепископъ Суздальскій. Дай Богъ, чтобы надъ вами повторилось это званіе“.

10-го числа (и также) изъ Москвы писалъ мнѣ ректоръ семинаріи, о. Игнатій:

„Вчера вечеромъ скончалась старушка—баронесса Розень. Погребеніе предположено въ день св. Алексія. Кажется будетъ безъ владыки.

О штатахъ святитель послалъ 31-го генваря. Хлопочемъ, чтобы не было нормальнаго числа учащихся.

Говорятъ, что пазначается на должность оберъ-прокурора Ахматовъ ²⁾. На дняхъ онъ былъ у владыки по нѣскольку разъ“.

10-го же числа и также изъ Москвы писалъ мнѣ инспекторъ пѣвчихъ Синодальнаго хора, Ив. Дм Бердниковъ ³⁾—мой почти сверстникъ по академич. образованію:

„Со всею искренностію привѣтствую васъ со вступленіемъ въ новое служеніе и радуюсь отъ души разнесшемуся въ Москвѣ слуху объ отличной встрѣчѣ вашей со студентами.

Жаль, что въ слѣдъ за этимъ я долженъ обратиться къ вамъ съ просьбою, не со всѣмъ безкорыстною. Дѣло въ томъ, что завтра сестра моя, отправляясь въ Лавру, представитъ кетати Петру Спиридоновичу ⁴⁾ отъ своего имени „Жизнь Тихона“ ⁵⁾. Какъ и прежде было съ подобными рукописями, вѣроятно и эта пройдетъ незамѣченною для общаго собранія комитета (чего я очень желаю-бы): но если для про-

¹⁾ А. А. О немъ см. тамъ же, по указателю.

²⁾ Алексій Петровичъ, весьма искренно расположенный ко владыкѣ Московскому Филарету. Но онъ оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ уже въ 1862 г. и быть имъ по іюнь 1865 г., а въ 1861 году оберъ-прокуроромъ былъ, по прежнему, графъ А. П. Толстой.

³⁾ О немъ см. выше, стр. 116 и примѣч. 2.

⁴⁾ Делицыну, какъ цензору.

⁵⁾ Сочиненіе сестры И. Д. Бердниковъ, имъ редактированное.

пука ея окажется почему-либо необходимымъ предварительное обсужденіе въ общемъ присутствіи, въ такомъ случаѣ, позвольте не сомнѣваться въ зависящемъ отъ васъ содѣйствіи. Но важнѣе того: есть причины, и весьма серьезныя, желать, чтобы имя составителя, равно какъ и вообще отношенія мои къ лицу, представившему рукопись (съ сестрѣ) 1), остались въ *глубокой тайнѣ*, и отъ Петра Спиридоновича Будьте такъ снисходительны къ авторскому самолюбію, говорятъ, ужаснѣйшему изъ всѣхъ самолюбіи Рукопись приготовлена для книгопродавца, слѣдоват. во всякомъ случаѣ не довольно тщательно отдѣлана, хотя по собраннымъ матеріаламъ и по самой формѣ изложенія не будетъ бесполезною для простаго читателя. Въ Германіи подобная личность, съ такою отличною натурою, какъ Тихонъ, вызвала-бы, и мимо предполагаемыхъ мощей 2) его, нѣсколько біографій. Хочется сбыть съ рукъ и хоть сколько-нибудь облегчить себя отъ множества собранныхъ у меня матеріаловъ. Чтобы побудить себя къ этому, я намѣренно поставилъ себя въ такое положеніе, что долженъ разомъ окончить, и нѣкоторыя страницы пишу прямо на бѣло.

Портретъ Тихона взять съ печатнаго, приложеннаго ко 2 изд. соч. его въ 1825 г.; болѣе вѣрнаго напрасно ищутъ барыни, судя по замѣчанію, слѣланному еще современнымъ ему жизнеописателемъ (въ 1796 г.), покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ 3): при всѣхъ условіяхъ, онъ и тогда еще не нашелъ другаго, кромѣ написаннаго въ молодыхъ лѣтахъ Тихона; съ этого вѣроятно снятъ въ (18)25 году

1) Она представляетъ уже не первую рукопись П. Спиридоновичу, отъ себя, а никакъ не отъ моего имени Это и справедливо потому, что мнѣ собственно принадлежитъ только исправленіе ея рукописей, и то самое легкое. Ей досель вѣтъ невин: почему же не доставить себѣ пособіе этимъ благороднымъ путемъ, вмѣсто того, чтобы праздно ожидать пособія отъ казны?—При личномъ свиданіи я надѣюсь, вы вновь оправдаете меня, почему такъ настоятельно прошу не объявлять моихъ отношеній къ этой и преданымъ рукописямъ, равно какъ и моихъ родинныхъ отношеній къ сестрѣ. Иначе я рискую, совершенно незаслуженно, подвергнуться не удовольствію лица, мнѣніемъ котораго такъ дорожу.

2) Сама сестра не вѣдается къ вамъ, только по опасенію одвѣять у васъ время, теперь особенно драгоцѣнное.

3) Открытіе мощей св. Тихона послѣдоваго уже 13 августа 1861 года.

4) Болховитиновымъ (с. 1837).

1861 г. и представляемый мною.—Но это последняя работа на книгопродавца. Пора выступить лично, и не далье, какъ въ вел. посту я кой-что приготавлию.

На масляной отправлюсь въ Петербургъ и, повѣрьте, съумѣю выполнить ваше порученіе со всею аккуратностію и осторожностію и тотчасъ же лично явлюсь къ вамъ.

Какъ-бы хотѣлось еще говорить съ вами, но къ утру необходимо окончить нѣсколько страницъ рукописи, а теперь уже третій часъ пополудни.

Примите, такъ любящій меня, о. Савва, увѣреніе въ искреннѣйшей преданности моеѣ къ вамъ—покорнѣйшій слуга Нв. Бердниковъ“.

12-го ч писалъ я въ Москву А. Е. Викторову:

„Приношу вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе со днемъ вашего ангела. Въ моемъ желаніи вамъ всего добраго, я думаю, вы не сомнѣваетесь. Но прошу извинить меня, что мое поздравленіе является къ вамъ не много поздно. Въ минувшую пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ, когда-бы слѣдовало мнѣ писать къ вамъ, у меня были по разнымъ дѣламъ заѣзанія конференціи.

Безъ сомнѣнія, вы интересуетесь знаніемъ о моемъ повольтѣ-бытьѣ: но такъ не много еще прошло времени, что я не знаю, что сообщить вамъ особеннаго. Правда, при личномъ свиданіи, можетъ быть, и не мало нашлось-бы предметовъ для бесѣды: но что можно сообщить на словахъ, то не всегда удобно передавать на бумагѣ; и потому я оставляю подробности до личнаго свиданія: а теперь, на первый разъ, ограничусь краткимъ очеркомъ моихъ первыхъ шаговъ на новой службѣ. О первомъ впечатлѣніи, какое произведено мною на студентовъ, говорятъ мнѣ мои сослуживцы, что оно благопріятно. Отношенія мои ко всѣмъ, окружающимъ меня лицамъ, до сихъ поръ пока самыя добрыя и мирныя: но долго-ли будетъ сохраняться этотъ миръ и взаимное наше согласіе, не знаю. Къ административнымъ дѣламъ начинаю привыкать; и въ этомъ отношеніи, при помощи добрыхъ и благонамѣренныхъ совѣтниковъ, какихъ я имѣю, не представляется особенныхъ затрудненій. Что касается до ученыхъ занятій, то частію по болѣзни, отъ которой еще не давно освободился, частію по отвычкѣ отъ нихъ, до сихъ поръ почти ничего еще не начиналъ дѣлать, да и

не знаю, скоро-ли примусь за эту работу. Александръ Васильевичъ ¹⁾ щедро награждаетъ меня книгами изъ библіотеки, но я едва успѣваю только пересматривать ихъ. 1861 г.

Настоящая моя жизнь представляетъ совершенный контрастъ съ прежнею Московскою жизнью. Утромъ еще бываетъ кое-кто у меня; а вечеромъ, если я самъ не приглашу къ себѣ кого-либо, рѣшительно почти никого не бываетъ, кромѣ дежурнаго старшаго съ стереотипною фразой, что въ академіи все благополучно. Самъ я оставляю келью только для прогулки, которую совершаю большею частію съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, и до сихъ поръ чаще выѣзжалъ съ Александромъ Васильевичемъ. Былъ раза два-три въ Виваніи, для посѣщенія болящаго друга Лазаря — о. Порфирія ²⁾. Представьте, на него напала летучая оспа. Сильно встревожеть оны, бѣднѣй, этою болѣзнію. Опасности большой, какъ увѣряетъ докторъ, нѣтъ; но тѣмъ не менѣе оны долженъ выдерживать карантинъ, по кр. мѣрѣ шестинедѣльный. Когда оны, Богъ дастъ выздоровѣетъ, то намъ съ нимъ не будетъ скучно“.

14-го ч. писалъ я въ Смоленскъ ректору семинаріи, архим. Моисею ³⁾.

„Простите Бога ради, что поздно отвѣчаю на ваше любезное письмо, полученное мною въ послѣднихъ числахъ минувшаго года. Отъ души благодарю васъ за добрую о мнѣ память. Вѣрьте, что и ваше имя остается и на всегда останется для меня незабвеннымъ особенно теперь, когда одна только сѣбна отдѣляетъ меня отъ той мирной кельи, въ которой мы такъ пріятно и дружелюбно провели нѣкогда вмѣстѣ два года. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно о моемъ новомъ назначеніи. Вспомните, могъ-ли я, живя съ вами, даже подумать о томъ, что теперь совершилось надо мною?— Дивны судьбы Божіи о мнѣ грѣшномъ! Тяжкое бремя возложено на мои немощныя рамена: но да будетъ надо мною воля Божія! Настоящее мое положеніе тѣмъ затруднитель-

¹⁾ Горскій, еще завѣдывавшій тогда академическою библіотекою и отлично знавшій ее

²⁾ Попова, бывшаго инспектора академіи, а теперь ректора Виванской семинаріи

³⁾ Рыбацкому, вышечномыяцкому

1861 г. нѣ можетъ быть для меня, чѣмъ менѣе я къ нему приго-
ловленъ. Притомъ, нынѣшнее время со всеѣмъ не то, что
было наше. Стѣны академіи остаются тѣже, что и десять
лѣтъ тому назадъ; но духъ въ нихъ обитающій, совершенно
иной. Усерднѣйше прошу Вашего братскаго молитвеннаго со-
дѣйствія на новомъ, но истиннѣ трудномъ для меня поприщѣ
служенія. Но я не мало утѣшаюсь тѣмъ, что имѣю у себя та-
кихъ почтенныхъ сослуживцевъ, какъ, напр., Петръ Спиридо-
ловичъ Делицинъ, Александръ Вас. Горскій, Егоръ Василь-
евичъ Амфитеатровъ и др.—При ихъ добрыхъ и благонамѣ-
ренныхъ совѣтахъ, я не опасаясь большихъ затрудненій по
дѣламъ административнымъ. Что-же касается до занятій
учебныхъ, то единственная надежда на помощь Бога и Его
великаго угодника Сергія“.

Того-же 14-го ч. писалъ я въ Москву высокопр. митрополиту.

„Въ предровожаемомъ вмѣстѣ съ симъ къ вашему высоко-
преосвященству представленіи академич. правленія, между
прочимъ, предположено, въ Виѣнскую семинарію на классъ
логики и соединенныхъ предметовъ перемѣстить профессора
Калужской семинаріи Виктора Покровскаго ¹⁾ Относительно
сего перемѣщенія честь имѣю объяснить вашему высоко-
преосвященству слѣдующее: вечеромъ, на канупѣ моего вы-
ѣзда изъ Москвы въ академію, являлся ко мнѣ Казанской,
что у Калужскихъ воротъ, церкви священникъ Алексѣй
Ключаревъ ²⁾ съ просьбою о перемѣщеніи въ одну изъ Мо-
сковскихъ семинарій помянутаго профессора Покровскаго, объ-
яснивъ притомъ, что этотъ профессоръ обѣщается взять въ
замужество его свояченицу, дочь покойнаго протоіеря Вла-
димірскаго ³⁾ и что на сіе перемѣщеніе предварительно
уже испрошено архипастырское соизволеніе вашего высоко-
преосвященства.

Не имѣя причины сомнѣваться въ такомъ объясненіи
свящ. Ключарева, я рѣшился предложить академическому

¹⁾ Виктора Тимофеевича, въ настоящее время протоіеря Казанской, а
Калужск. воротъ, церкви

²⁾ Алексѣй Осиповичъ, нынѣ архіепископъ Харьковскій Амвросій

³⁾ Сергія Алексѣевича сконч. въ 1849 г. Внукъ Тим. Покровскій и дѣй-
ствительно женился на дочери его Маріи Сергіевнѣ, между тѣмъ какъ
А. О. Ключаревъ женился на старшей дочери того же протоіеря
Евдоимъ Сергіевнѣ

правленію, на открывающуюся нынѣ при Виѣанской семинаріи профессорскую вакансію, представитъ профессора Кадужской семинаріи В. Покровскаго въ той увѣренности, что это будетъ не противно волѣ вашего высокопреосвященства“.

16-го ч писалъ мнѣ изъ Петербурга А. Н. Муравьевъ:

„Позвольте въ первый разъ побезпокоить васъ моими цензурными хлопотами. Посылаю вамъ вторую часть моеи Свящ. Исторіи, собственно Евангельскую, а первая уже была разсмотрѣна и пропущена архим. Игнатіемъ ¹⁾ Будетъ и третья, собственно о дѣяніяхъ Апостольскихъ и вообще понятія о церкви, которую пришлю въ послѣдствіи.

Я болѣе распространился въ Евангельской части, какъ болѣе важной, чтобы въ одно время можно изучитъ изъ самой исторіи и ученіе Христово и держался въ порядкѣ разсказа четвероевангелія священника Гречулевича ²⁾ Если милость будетъ, то поспѣшите цензурою, потому что мнѣ еще надо потомъ представить это на разсмотрѣніе моего брата ³⁾, министра, такъ какъ онъ сего желалъ для школъ Государственныхъ мѣществъ; а мнѣ мало остается времени для напечатанія до отъѣзда.

Смѣю надѣяться на вашу благосклонность ко мнѣ, которая вѣроятно перешла съ вами изъ семинаріи въ академію.

Прошу кланяться Александру Васильевичу ⁴⁾ и Петру Симоновичу ⁵⁾, и спросить у перваго: гдѣ почерпнулъ Карамзинъ свѣдѣнія о Стрѣлецкомъ бунтѣ при царѣ Алексѣѣ, ибо онъ весьма кратко описаны въ лѣтописи о мятежахъ? и имѣтъ-ли у васъ въ духовной академіи особой книжки Московской греко-латинской академіи ⁶⁾ и вообще о первоначальныхъ школахъ при Филаретѣ и Никонѣ“?

¹⁾ Рождественскимъ, бывшимъ ректоромъ Виѣанской духовной семинаріи и цензоромъ.

²⁾ Василія Васильевича, въ монашествѣ Виталія, скончавшагося 14 мая 1885 г въ санѣ епископа Могилевскаго.

³⁾ Михаила Николаевича, впоследствии графа († 29 авг. 1866 г.), извѣстнаго дѣятеля въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи.

⁴⁾ Горскому.

⁵⁾ Казанскому.

⁶⁾ Проф С. К. Смирнова, „Исторія Моск. Слав.-греко-латин. академіи“ первоначально печатана была въ *Прибавленіяхъ къ Твор. св. Отцовъ* Вышняго и отдѣльною книгою, Москва, 1855.

1861 г. Получивъ это письмо 21-го числа, я на другой же день овѣчать А. Н. Муравьеву:

„Честь имѣю увѣдомить васъ, что письмо ваше отъ 16-го текущаго февраля, и при немъ рукопись, содержащая 2-ю ч. Свящ. Исторіи, вами составленной, мною получены 21-го ч. Последнюю немедленно передалъ я въ цензурный комитетъ Секретарь комитета, П. С. Казанскій, которому я передалъ по принадлежности вашъ поклонъ, обѣщавъ переслать вамъ рукопись на разсмотрѣніе тому же цензору, который разсматривалъ 1-ю ч. вашего произведенія, т. е. о. архим. Игнатію: такъ какъ онъ, хотя и переселился уже въ Москву, но отъ должности цензурной еще не уволенъ.

Что касается до вашего вопроса о Стрѣлецкомъ бунтѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: я предлагалъ его Ал. Васильевичу на разрѣшеніе, но онъ отозвался невѣдѣніемъ. Съ подобнаго рода вопросами не лучше-ли вамъ обращаться къ находящемуся до сихъ поръ въ Петербургѣ проф. Соловьеву ¹⁾, которому, какъ специалисту, безъ сомнѣнія, пзвѣстны все частности, относящіяся до эпохи царствованія Алексѣя Михайловича и патріарха Никона.

Препровождаемый при семъ экземпляръ Исторіи славяно-греко-латинской академіи приносится вамъ въ даръ отъ автора ²⁾.

О школахъ при патр. Филаретѣ и Никонѣ не найдете-ли какихъ-нибудь свѣдѣній въ статьѣ: „Духовныя училища въ Москвѣ въ XVII стол.“, помѣщенной въ 3-й части *Приблннній къ Твор. св. Отцевъ*, 1845 г.“.

21-го ч писалъ мнѣ ректоръ Смоленской семинаріи, архим. Моисей, въ отвѣтъ на мое письмо отъ 14-го числа:

„Отъ души привѣтствую васъ ректоромъ академіи Московской.

Жаль, не зная я, что вы будете ректоромъ нашей академіи, постарался-бы заранѣе быть къ вамъ любезнѣе, внимательнѣе въ продолженіи двухъ лѣтъ моей студенческой съ вами любезной и незабвенной жизни. Но кажется, что я, живя съ вами, составлялъ не послѣдняго собесѣдника около печки колѣнъ нашей, прилегающей къ стѣнѣ ректорскихъ

¹⁾ Сергью Михайловичу, известному историкъ († 1879 г.)

²⁾ Помянутаго С. К. Смирнова

покоевъ, — особенно это бывало, часто послѣ ужина — ахъ! 1861 г.
весело мы жили и къ тому же дружелюбно, да иначе и быть
не могло при моемъ характерѣ. Ну, о ректорѣ, я питомецъ
вашей академіи:—хочется мнѣ получить степень магистра.
да не знаю, какъ это устроить; дайте совѣтъ, а хочется по-
лучить эту степень, во дни ректуры вашей, хотя я и неза-
суженно желаю ее получить. Нельзя-ли какъ-нибудь это
устроить?

Извините меня, что я при первомъ отвѣтѣ на ваше ко-
мнѣ письмо, поставляю васъ, быть можетъ, въ затрудненіе.
Извѣстите меня объ этомъ по дружески—можно, хорошо, а
не можно, такъ и быть. Я и послѣднее приму съ любовію.
Мысль эта—ѣхать на экзаменъ въ академію на степень ма-
гистра—не даетъ мнѣ покою. Успокойте меня, добрыйшій
мой о ректорѣ! Пусть будетъ это между нами секретомъ.

Въ Смоленскъ ждемъ изъ Кіева князя Урусова ¹⁾—будетъ
ревизовать мою семинарію; ѣдетъ изъ Кіева на Черниговъ,
Могилевъ и къ намъ, по расчисленію, ему придется быть у
насъ на 1-й недѣлѣ великаго поста. Не заглянетъ ли отъ
насъ и въ академію Московскую—примите къ свѣдѣнію*.

27-го ч. писалъ мнѣ изъ Москвы Ал. Ег. Викторовъ:

„Страшно виновать передъ вами, что доселѣ не отвѣчалъ
на письмо ваше. И самъ не знаю, какъ это сдѣлалось: то
некогда, то система отлагательства... а потомъ, наконецъ,
сдѣлался боленъ...“

Да! со мною повторился опять припадокъ моей несчастной
болѣзни ... и еще какъ? Дорогою, когда я возвращался изъ
Арханга домой на извозникѣ и уже почти подѣзжалъ къ
квартирѣ. Удивительно, какъ только не раздавили меня
лошадьми. Помню, что только и успѣлъ сказать извознику,
что со мною дурно, а потомъ уже и не знаю, что со мною
было. Помню только, что извозникъ, который поднимъ меня
съ дороги и посадивъ меня на сани все-таки продолжалъ
меня везти, привезъ меня къ Успенію на Могилыцы, откуда,
оцѣтвовавшись, я велѣлъ ему ѣхать къ моей квартирѣ.
Этотъ припадокъ случился со мною мѣсяцъ, чѣмъ черезъ
три мѣсяца. Ну что, если болѣзнь моя будетъ возрастать
въ прогрессіи? Теперь я принимаю порошки по рецепту: бу-

¹⁾ Сергія Николаевича, не разъ упомянутого выше

1861 г. деть ли изъ этого польза,—одинъ Богъ знаетъ Спокойствіе, выходъ изъ Архива, оставленіе уроковъ. вогъ что мнѣ нужно для излеченія! Помню, что въ Архивѣ передъ послѣднимъ припадкомъ я былъ въ сильномъ волненіи вельдѣствіе какихъ-то неприяностей съ начальникомъ отдѣленія, поступающимъ со мною рѣшительно подъ тонъ князя ¹⁾ Боже мой! Да гдѣ же наконецъ пайти покойную должность, безъ волненій и съ обозначеніемъ, чтобы не было нужно давать уроки?.. Хоть-бы въ смотрители какіе-нибудь перейти?"

Душевно радуюсь, что теперешнее ваше положеніе чуждо всякихъ неприяностей! Дай Богъ вамъ мира и согласія и на все будущее время вашей службы въ академіи!

Какъ жаль, что о Порфиріи ²⁾ болеть Скажите ему, что я глубоко сочувствую его болѣзни. И что за странная болѣзнь—оспа? По крайней мѣрѣ не опасная—и это большое утѣшеніе

На мастяницу вы не пріѣдете конечно? По крайней мѣрѣ на святую навѣрно пріѣдете? Къ этому времени наконецъ дадутъ-же вамъ монастырь? Жду васъ въ Москву съ нетерпѣніемъ! Если же и на святую не пріѣдете, я непременно пріѣду самъ къ вамъ

Скоро наступитъ дѣло Съ своею болѣзнію мнѣ непременно нужно-бы уѣхать опять въ деревню. Но какъ это сдѣлать, оставаясь въ Архивѣ. Князь ни за что не отпуститъ Когда же я выйду наконецъ изъ Архива?!. Одно уже сидѣніе въ Архивѣ безъ дѣла, безъ мысли—и оно уже много вредитъ Сидя въ Архивѣ, я никогда не бываю покоенъ ..

Отъ души желаю вамъ успѣха въ занятіяхъ вашихъ, а болѣе всего мира, согласія съ сослуживцами вашими и спокойствія.

Со всею искренностію предашній вамъ“ ..

1-го марта писалъ я въ Хотимль къ роднымъ:

„Вамъ уже извѣстно о новомъ мѣстѣ моего служенія Я увѣренъ, что вы, какъ добрые родные, при вѣсти о моемъ высшемъ назначеніи сердечно порадовались:

Что-же скажу вамъ о моемъ новомъ высшемъ служеніи? Служеніе по петнѣ высокое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много-

¹⁾ Оболенскаго, директора Архива

²⁾ Поповъ, вышеупомянутый, товарищъ А. Е. Виллорова, какъ и прочіе

трудное, особенно въ пынѣшнія времена, при свободѣ и необузданности молодого поколѣнія. Требуется много благо-разумія и мужества, чтобъ удержатъ въ должныхъ границахъ это молодое поколѣніе. Но что трудно и неудобно исполнимо для слабыхъ человѣческихъ силъ, то легко и удобно при помощи Божіей. На сію-то всесплыную помощь я и возлагаю все мое упованіе.

Хорошо-бы вы сдѣлали, если-бы, пока я здѣсь, пріѣхали помолиться еще разъ великому угодинку Божію, преподоби Сергію“.

1-го же ч. марта писалъ мнѣ профессоръ академіи, протоіерей А. В. Горекій изъ Москвы, куда онъ отправлялся къ митрополиту по ученымъ дѣламъ академическимъ:

„Пенюшная обѣщаніе, данное вамъ при отъѣздѣ, беру съ письмомъ, хотя и не вижу, чѣмъ-бы могъ особенно васъ заинтересовать.

Святитель принялъ меня у себя въ кабинетѣ т. е. занятый дѣлами. На рукахъ у него снова дѣла греческія. Связанный имъ, онъ отложилъ наши переводныя занятія до сегодняшняго дня. Жду его требованія на вечеръ. Сегодня, говорятъ, служилъ онъ на кладбищѣ по матушкѣ своей.

Въ Москвѣ стало сыро, мокро... по крайнеі мѣрѣ тамъ, гдѣ мнѣ приходится чаще бывать.

Видѣлся я вчера въ семинаріи съ о. ректоромъ ¹⁾. Слышалъ отъ него, что о. Ѳеодоръ ²⁾ нашъ дѣйствительно будто бы собирается въ Переславскій монастырь. Это подтверждать здѣсь проѣзжавшій въ Воронежъ ректоръ семинаріи о. Ѳеодосій ³⁾. А Тифлисскій Фотій ⁴⁾, проѣзжая чрезъ Москву, только здѣсь узналъ о перемѣнѣ своего назначенія.

Есть здѣсь догадки, едва-ли не будетъ настоятелемъ За-

¹⁾ Архим. Игнатіемъ

²⁾ Бухаревъ. О немъ см. т. I Хроники по указат.

³⁾ Шаповаленко, съ 17 янв. 1861—рект. Воронеж. сем., съ 1863—еп. Тамбовскій, съ 1873.—Вологодскій ; 22 авг. 1883

⁴⁾ Щиревскій, архимандритъ, перемѣщенный въ это время на должность ректора Полтавской семинаріи, въ которой онъ впрочемъ пробылъ также не долго, и въ томъ же 1861 году былъ уволенъ отъ училищной службы, за тѣмъ до конца 1869 г. состоялъ цензоромъ Спб. духовно-цензурнаго комитета; скончался 5 ноября 1877 г. настоятелемъ Спасо-преображенскаго Новгородскаго монастыря, Черниговской епархіи

1861 г. иконоспасскаго монастыря кто-либо изъ постоянно здѣсь живущихъ о.о. архимандритовъ, напр. Высокопетровскій? Кажется, находятъ нужнымъ заняться угрожающимъ (не знаю, впрочемъ въ какой мѣрѣ) положеніемъ церкви, склоняющейся будто-бы на одну сторону. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, Петровскій монастырь будетъ предоставленъ вамъ. Но все еще покрыто непрощаемымъ мракомъ, и едва-ли сдѣлано о комъ-либо представленіе“.

2-го ч. писалъ мнѣ изъ Якутска протоіерей Н. Запольскій¹⁾, обращаясь ко мнѣ по прежнему какъ къ ректору Московской семинаріи, не вѣдая еще о томъ, что я получилъ уже новое назначеніе:

„Получивъ извѣстіе о сыпѣ своемъ, что онъ принятъ въ Московскую семинарію, по благоволенію его высокопреосвященства, митрополита Филарета, подъ ваше начальственное руководство, до нельзя былъ обрадованъ. Благодарю, ваше высокопреподобіе, васъ за ваше вниманіе и содѣйствіе по сему дѣду. Какъ гора, забота о его неопредѣленномъ положеніи,—тяготѣла на мнѣ, но теперь она свалилась и я спокоенъ. Прошу вашего начальственнаго вниманія къ нему. Не знаю, что можетъ выйти изъ него.—Способности у него есть, и можно сказать, довольно хорошія и онъ можетъ учиться, только одно страшитъ меня, не вкрадась бы въ сердце его нынѣшняя какая-то кичливая, цивилизованная образованность, основанная на безвѣріи. Хорошее не скоро, а худое, какъ сѣра, липнетъ. Объ одномъ прошу, чтобы воздерживать отъ вольности его, и сообщества не благонамѣренныхъ людей, которые своими толками и благихъ дѣлають злыми. Сдѣлайте милость, о. ректоръ, будьте ему покровителемъ и спасителемъ въ его шаткой и неопытной юности.

За содержаніе его, если будетъ нужно, я обязываюсь исполнить отвѣтствовать, по полученіи извѣстія. Хотя сынъ мой и писалъ мнѣ, что за содержаніе слѣдуетъ 65 р. въ годъ, но я не повѣрилъ, ибо показалось что-то дешево, при такомъ отличномъ содержаніи, какъ въ вашей семинаріи.

На пасхальную недѣлю, если только онъ захочетъ, нельзя ли его уволить въ Петербургъ сѣздить къ родственнику

¹⁾ Вышеупомянутый См стр 541 и дал. и 545

моему академику Измаилу Ив. Срезневскому 1) для свиданія, если только можно, смотря по обстоятельствамъ его поведенія. Въ противномъ же случаѣ, если онъ самъ того заслуживать не можетъ, я уже за него не ходатай“.

1861 г.

3-го числа писалъ я профессору Московской дух. академіи А В Горекому:

„Ваше высокоблагословеніе,
достопочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ!

Вчера имѣлъ я удовольствіе получить ваше письмо, а сейчасъ доставлена мнѣ отъ вашего имени книга: *Описаніе сочиненій раскольническихъ*. За то и другую приношу вамъ усерднѣйшую благодарность.

Кстати, прошу васъ покорно приобрѣсть для меня еще двѣ книги, на сихъ дняхъ опубликованныя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: 1) *Систематическій сводъ ученія св. Отцевъ церкви о души человеческой*, свящ. С. Капменскаго, ч I, 1860 г. (ц. 1 р — у Салаева) и 2) *Жизнь почившаго въ Задонскѣ Тихона, еп. Воронежскаго*, Спб. 1861 г., ц. 75 к.

Упасъ, слава Богу, все благополучно.

Съ глубокимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть“...

8-го числа, въ среду на первой недѣлѣ великаго поста, получилъ я изъ Московской дух. консисторіи указъ, которымъ предписывалось мнѣ безъ замедленія явиться въ Москву для принятія Высокопетровскаго монастыря, куда я назначенъ былъ настоятелемъ 2). Я посрѣдствомъ немедленно отправился въ путь и, прибывъ довольно поздно вечеромъ въ Москву, остановился на Саввинскомъ подворьѣ, у преосвященнаго Леониды.

Утромъ 12-го ч. получилъ я отъ благочиннаго монастырей Богоявленскаго архим. Иннокентія 3) письмо такого содержанія:

„Вчера въ 9-ть часовъ вечера получилъ я отъ секретаря консисторіи г-на Ярцева письмо, въ коемъ спрашивается:

1) О немъ см. выше, стр. 226 и примѣч. 2 и др.

2) Донесеніе митрополита Филарета отъ 14-го февр. о предоставленіи въ мое управленіе Высокопетровскаго монастыря напечатано въ *Душевн. Читеніи* 1892 г. іюль, стр. 466.

3) Орлова, потомъ настояте я Спасо-Андроніева монастыря († 9 февр. 1870 г.)

1861 г. введены ли вы въ Высокопетровскій монастырь,—и принято ли вами отъ предѣстника вашего о. архим. Іоаннкія ¹⁾ монастырское имущество? Этотъ запросъ ко мнѣ послѣдовалъ, думаю не безызвѣстно и вамъ, въ силу указа консисторіи отъ 7-го сего марта, коимъ предписано быть мнѣ посредствующимъ при приѣмѣ вами монастыря со всеѣми къ нему принадлежностями; въ заключеніе дополняетъ оное письмо: „владыка изволить приказать, исполнить, что можно завтра, хотя послѣ обѣдн“

Для рѣшенія сего, прошу ваше высокопреподобіе, съ письмомъ извѣстить меня: въ какомъ часу сегодня вамъ угодно быть введеннымъ въ Высокопетровскій монастырь? предлагаю мнѣніе, ежели вамъ будетъ угодно принять его, пополудни въ 4 часа т. е. предъ началомъ вечерни—по благовѣсту съ звономъ, а я прибуду въ Петровскій за четверть часа до вечерни, или какъ иначе заблагоразсудите?“

12-го ч. въ воскресенье, передъ вечерней, введенъ я былъ благочиннымъ монастырей, по чину монастырскому, во ввѣренную мнѣ обитель. За тѣмъ нѣсколько дней оставался въ Москвѣ, для приѣма отъ предшественника своего, архим. Іоаннкія, переведеннаго въ Законодспасскій монастырь,—монастырскаго имущества.

12-го ч. получилъ я изъ академіи отъ профессора С. К. Смирнова ²⁾ письмо, въ которомъ онъ писалъ:

„Имѣю честь поздравить васъ съ полученіемъ должности настоятеля Петровскаго монастыря, которому желаю благоденствовать подъ вашимъ добрымъ управленіемъ.

Нынѣ комитетъ отправилъ къ о. ризничему Синодальному отношеніе съ просьбою—о врученіи вамъ рукописей, содержащихъ въ себѣ творенія св. Григорія Нисскаго, и хранящихся въ Синод. библиотекѣ. Комитетъ усердно проситъ васъ принять означенныя рукописи.

За симъ съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего высокопреподобія усерднѣйшимъ слугою С. Смирновъ“

Въ бытность свою въ Москвѣ, въ свободные часы я по-

---

¹⁾ Холуйскаго, послѣ настоятеля Законодспасскаго и Богоявленскаго монастырей († 27 дек. 1878)

²⁾ † 1889 г.

сѣщаль своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и, между прочимъ, посѣтилъ семейство князя Дадіанъ. Вхожу къ нимъ въ домъ и съ изумленіемъ вижу тамъ исключеннаго изъ академіи студента Александрова ¹⁾. Мнѣ рекомендуютъ его какъ домашняго учителя и гувернера: хорошъ, — подумалъ я, — учитель и педагогъ!... Не имѣя особенно близкаго знакомства съ семействомъ Дадіанъ, я не рѣшился самъ объяснить князю или княгинѣ, что за человѣкъ этотъ Александровъ, но убѣдительно просилъ преосв. Леонида, который ближе съ ними былъ знакомъ, предостеречь ихъ отъ Александрова. Не знаю, исполнилъ-ли мою просьбу преосвященный и долго-ли оставался въ домѣ Дадіанъ Александровъ, — только впоследствии узнаю, что питомецъ его, молодой князь, Митрофанъ, поступивши въ военную службу, скоро обнаружилъ въ своемъ поведеніи плоды худого домашняго воспитанія.

Пока я оставался еще въ Москвѣ, я получилъ отъ преосвящ. Леонида 15-го ч. записку слѣд. содержанія:

„Избрали мнѣ, какъ удобнѣйшее для того, чтобы видѣть картину Иванова, время сегодня 9-ть часовъ утра. Если, по вашимъ обстоятельствамъ, вы найдете назначенный часъ не неудобнымъ для себя; то прошу васъ быть у меня къ часу девятаго. Надобно до 10 обратиться изъ гимназіи, такъ какъ съ 10-ти картина открыта для публики.

Если мы не будемъ утромъ видѣться, то, если нигде не собрались, пріѣзжайте ко мнѣ часовъ въ 6-ть вечера“.

Я съ удовольствіемъ, разумѣется, воспользовался столь благопріятнымъ случаемъ видѣть высокое, художественное произведеніе талантливаго русскаго художника. Сюжетъ картины Иванова—явленіе Христа міру. Объ этой-то знаменитой картинѣ написалъ статью архимандритъ Теодоръ (Бухаревъ) и напечатавши ее въ 1859 г., подарилъ мнѣ экземпляръ своей брошюры.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ я получилъ письмо изъ академіи отъ о. протоіерея А. В. Горскаго. Онъ писалъ мнѣ отъ 17-го числа:

„Приношу вамъ нижайшую благодарность за увѣдомленіе о себѣ. Продолжительностію отсутствія вашего и неизвѣст-

¹⁾ Раньше упомянутого

1861 г. ностию о вашемъ положеніи, я уже начинаю опасаться, не держигъ ли васъ въ Москвѣ, какъ и здѣсь въ началѣ болѣзнь? Слава Богу, что дѣла ваши идутъ, хотя не спѣшно, но благоуспѣшно.

Рѣшился и я безнокоитъ васъ письмомъ, вотъ по какому обстоятельству.

Вчера получилъ я письмо изъ Лондона отъ брата моего двоюроднаго Николая К. Соколова ¹⁾, отправившагося въ ноябрѣ минувнаго года съ гр. Путятинимъ ²⁾. Братъ пишетъ, что извѣстный діаконъ Пальмеръ ³⁾ (въ послѣднее время помѣщена была въ *Правосл. Собесѣдникѣ* статья изъ книги его, о патр. Никонѣ) продолжалъ свои занятія по Русской церковной исторіи, и въ особенности интересуясь всѣмъ, что относится до жизни патр. Никона, желалъ бы снова пріѣхать въ Россію, и именно въ Москву, чтобы воспользоваться хранящимся здѣсь, въ синодальной библіотекѣ, въ академической и другихъ, матеріалами, полезными для его цѣли. Онъ уже многое перевелъ на Англійскій языкъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ и нѣкоторыхъ церк. историческихъ сочиненій: Братъ видѣлъ у него до 40 №№ такихъ статей. Но для біографіи патр. Никона желалъ-бы онъ пріобрѣсть все, что возможно, вѣдь въ его лицѣ и исторіи „Образецъ православныхъ отношеній Церковной власти къ свѣтской“.—Пальмеръ обращался было по этому предмету къ А. Н. Муравьеву ⁴⁾, но тотъ ничего не далъ ему. Рѣшаясь самъ ѣхать въ Россію, Пальмеръ желаетъ предварительно знать, будетъ-ли ему открыто все, что есть въ синод. библіотекѣ относящагося до Никона, чтобы, въ противномъ случаѣ, не ѣздить ему напрасно. И такъ какъ разрѣшеніе сего вопроса зависитъ отъ святителя нашего, то и Пальмеръ, и графъ Путятинъ просятъ предварительно узнать, будетъ-ли иностранцу открытъ доступъ къ изученію

¹⁾ Профессоръ Моск. Дух. академіи, а потомъ Московскаго университета по церковному праву Сконч. 28 окт. 1874 г.

²⁾ Евѣиміемъ Васильевичемъ, адмираломъ членомъ, Госуд. Совѣта († 16 окт. 1883).

³⁾ Діаконъ Англиканской церкви Его сочиненіе о патр. Никонѣ, подъ заглавіемъ: „Патріархъ и Царь“, на англійскомъ языкѣ и вышло потомъ въ печати Сконч. въ 1879 г.

⁴⁾ Уже извѣстному изъ вышеизложеннаго Умеръ 18 авг. 1874 г.

историческихъ памятниковъ церкви Русской въ синодальной и другихъ библіотекахъ, святителю подвѣдомственныхъ, и въ особенности къ изученію всего относящагося до патр. Никона. Пальмеръ еще нуждается и въ человѣкѣ, который-бы, въ случаѣ нужды, могъ помочь ему въ чтеніи и разубѣннѣ нашихъ церк. памятниковъ.

Я почитаю за особенное счастье, что вы теперь находитесь въ Москвѣ, и можете лично доложить объ этомъ архипастырю нашему, и получить отъ него на все разрѣшеніе. Сами же вы всѣхъ лучше знаете, что есть въ синод. библіотекѣ и что можно показать иностранцу. Пальмеръ извѣстенъ владыкѣ нашему по своему первому пребыванію въ Москвѣ. И статья его въ *Правосл. собесѣдникѣ* святителю понравилась. Прибавить надобно къ этому, что графъ Путятинъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе, желая дать возможность иностранцамъ ближе познакомиться съ нашею исторіей. Графъ самъ даже думалъ писать къ святителю Московскому по настоящему дѣлу и просить о содѣйствіи Пальмеру.

Думая, что вы на этихъ дняхъ возвратитесь къ намъ, я собрался было завтра самъ писать къ святителю и объяснить ему все. Но когда вы находитесь теперь близъ святителя, то, съ меньшимъ для него безпокойствомъ, рѣшился просить разрѣшеніе чрезъ васъ.

Надобно имѣть въ виду, что отказъ можетъ за границею разгласиться, и произвести неблагопріятные отзывы. Тамъ, за границею, все наше извѣстно. Наприм. извѣстно и то, что святителю нашему поручено было написать манифестъ по крестьянскому дѣлу ¹⁾. Объ этомъ пишетъ братъ ²⁾.

Простите, что такъ пишу дурно. Спѣшу окончить письмо до обѣдни, которую вы обѣщались служить вмѣстѣ со мною нынѣ, и оставили одинаго“.

Порученіе о Горскаго, безъ сомнѣнія, было мною исполнено, но я не помню, какой былъ результатъ моего объясненія со владыкой. По всей вѣроятности, митрополитъ со-

¹⁾ Окончательная редакція манифеста дѣйствительно принадлежила митр Моск Фигарету См *Собр мн и отзывов* его т. V, стран 5—17 Москва, 1887

²⁾ Вышеупомянутый Н К Соколовъ

1861 г. гласился удовлетворить желанію Пальмера и ходатайству графа Путятина; по кр. мѣрѣ, я хорошо помню, что Пальмеръ чрезъ годъ или чрезъ два былъ въ Москвѣ и при мнѣ показывалъ владыкѣ цѣлый альбомъ рисунковъ, относящихся къ жизни патріарха Никона.

16-го ч. писалъ я профессору Московской духовной академіи А. В. Горскому:

Ваше высокоблагословеніе,
достопочтеннѣйшій

Александръ Васильевичъ!

Оставляя подробности до личнаго свиданія, сообщу вамъ вкратцѣ кое-что о моемъ пребываніи въ Москвѣ. Явившись прямо съ дороги на Троицкое подворье и принявъ благословеніе святителя, я отправился на ночлегъ на Саввинское подворье, и тамъ долженъ былъ ожидать распоряженій касательно введенія меня въ монастырь. Введеніе это послѣдовало въ прошедшее воскресенье предъ вечернею. Послѣ вечерни, вмѣсто того, чтобы приступить къ приему монастырскаго имущества, я долженъ былъ отправиться на Троицкое подворье для чтенія вашего перевода посланія къ Евреямъ ¹⁾. Въ этотъ вечеръ прочитано было двѣ главы, а въ слѣдующій остальные три.

Съ понедѣльника приступилъ я къ приему монастыря: дѣло это, при обычныхъ развлеченіяхъ въ Москвѣ, идетъ не такъ то быстро. И если мнѣ надлежитъ принимать монастырь съ такимъ-же вниманіемъ, съ какимъ онъ былъ принятъ моимъ предмѣстникомъ ²⁾, то нужно оставаться здѣсь до пасхи. Но само собою разумѣется, что это невозможно. Владыка ясно высказалъ, чтобы я поспѣшилъ отъѣздомъ: и я думаю, что въ началѣ будущей недѣли я возвращусь въ академію.

Порученія, данныя мнѣ отъ академіи и отъ редакціоннаго комитета будутъ исполнены мною въ точности.

Съ душевнымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть...

Академическому братству усерднѣйше кланяюсь.

17-го же ч. писалъ мнѣ благочинный, священникъ села

---

¹⁾ Переводъ Св. Писанія на русскій языкъ, предпринятый въ 1858 году

²⁾ Вышеупомянутымъ архимандритомъ Іоанніемъ (Холуйскимъ)

Петрова Городица, Суздальскаго уѣзда, А. Вл. Альбиц-
кій ¹⁾):

„Простите моему дерзновенію, по которому осмѣливаюсь
безпокоить васъ. Повѣрьте, говорю по священству, что отъ
избытка сердца глаголють уста.

Долго собирался я что-нибудь написать къ вамъ: но опа-
сался обезпокоить васъ, и своимъ не связнымъ, а, можетъ
быть и несмысленнымъ разглагольствованіемъ отвлекать васъ
отъ занятій дѣловыхъ и серьезныхъ. Нынѣ-же, прочитавши
въ февральской книжкѣ духовнаго журналъ—*Странникъ* на-
значеніе васъ въ ректора Моск. академіи, не могъ удер-
жаться, чтобы не привѣтствовать васъ съ снмъ назначе-
ніемъ.

Вы были избраннымъ сосудомъ еще изъ чрева матери
своея; еще измлада вы были свѣтильникомъ, свѣтящимъ и
горящимъ. Такъ, свѣтъ вашъ вашего вѣдѣнія и теплота ва-
шей любви отражались пѣкогда и на моей скудной добрымъ
дѣлами душѣ,—и потому только благодатию Божіею и ва-
шею любовію есмь, еже есмь. Не могу же послѣ сего не
благодарить Господа, дивными путями ведущаго васъ на
тотъ высокій свѣщникъ, съ котораго можете освѣщать, а
иначе согрѣвать сердца многихъ

Слышу ваше выраженіе: „высоко званіе, великъ предле-
жаніе и подвигъ“. Знаю, что чѣмъ выше должность, тѣмъ
съ большими трудностями сопряжено прохожденіе ея. Но
смѣю сказать: какая должность, какое мѣсто не имѣеть
своихъ трудностей? Труды, сопряженные съ занимаемыми
вами должностями, могутъ иногда быть тяжелы для бреш-
ной плоти; но за то всегда питають и возвышаютъ духъ:
а труды, сопряженные съ должностію сельскаго священ-
ника, иногда совершенно изнуряють тѣло, а почти всегда
убиваютъ способности духа. А воспитаніе дѣтей? А заботы
объ ихъ устройствѣ? Это такія трудности, которыхъ и языкъ
не въ состояніи выразить.

Не смѣю распространяться о своемъ житіѣ — бытѣ, по-
тому что ничего нѣтъ въ немъ занимательнаго для васъ.

Еще разъ прошу простить моему дерзновенію, по кото-

---

¹⁾ О немъ см. т. I „Хроники“. по указатею Будеть рѣчь о немъ и
даже

1861 г. рому я осмѣлился безпоконть васъ: чувство искренней любви и сыновней преданности съ одной стороны, и надежда на ваше благоснисхожденіе съ другой внушили мнѣ эту смѣлость.

Ваше благосклонное вниманіе послужить однимъ изъ лучшихъ утѣшеній въ жизни для преданнаго вашему высокопреподобию покорнѣйшаго слуги“...

Преосвящ. Сергій, мой досточтимый предмѣстникъ по ректорству и профессорству въ академіи, отпрапляясь въ январѣ изъ Москвы въ Курскъ на свою паству, обѣщаль мнѣ выслать оттуда нѣкоторыя записки по догматическому богословію, которыя могли служить нѣкоторымъ пособіемъ при составленіи лекцій, но забылъ о своемъ обѣщаніи. Я напомнилъ ему объ этомъ, и вотъ, что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 18-го марта:

„Не помню хорошо, что я вамъ обѣщаль; но разбирая книги, которыя очень долго за моими непрерывными недосугами оставались не разобранными, я нашель и нѣсколько старыхъ своихъ сочиненій и проповѣдей, и частички лекцій, особенно на нравств. богословіе.

Чтобы не показаться вамъ, будто скрываю нѣкое сокровище, посылаю нѣчто, относящееся къ догматическому богословію. Вижу, что ничего нѣтъ болѣе: думаю, другіе отрывки лекцій или пожжены вмѣстѣ съ ненужными письмами и бумагами, или обращены, при отправленіи, въ обертки книгъ и вещей, какъ и дѣйствительно находилъ я здѣсь ключки записокъ въ книжныхъ ящикахъ.

Удобнѣ могъ я исполнить другое требованіе ваше. Я предписаль, чтобы во всѣ соборы и монастыри выписываемъ былъ вашъ журналъ; чтобы хотя по одному экземпляру имѣли его въ каждомъ благочиніи, а благочинныхъ здѣсь болѣе 70-ти: кромѣ того творенія Ефрема будутъ выписаны въ соборы и монастыри. Посмотрю, что будетъ: иные благочинные видятъ препятствіе въ бѣдности церквей. Но если выпишемъ въ одни богатые и болѣе достаточные храмы: то не мало будетъ экземпляровъ“.

21-го ч. получилъ я письмо изъ Оксфорда отъ добраго пріятеля своего Пюеза. Онъ писалъ мнѣ отъ 12/20 числа, при чемъ препроводилъ ко мнѣ письмо на имя преосвящ. Леониды. Вотъ содержаніе письма его ко мнѣ.

Достопочтеннѣйшій Батюшка!

1861 г.

Вотъ написалъ я это маленькое письмо къ Господину моему, Епископу Леониду, и такъ какъ я не знаю, остается ли онъ въ Москвѣ или переведенъ въ Тулу, осмѣливаюсь письмо къ нему послать чрезъ васъ и прошу васъ не отказать въ вашей любезности сдѣлать это. Надѣюсь, что вы находитесь въ добромъ здоровьѣ, а также и о. архимандритъ ¹⁾ Никодимъ и о. Порфирій ²⁾, а особенно преосвященный митрополитъ.

Въ настоящее время не быстро идутъ мои работы, такъ какъ не обладаю большими силами. Надѣюсь однако, что съ помощію Божіею пойдутъ успѣшно.

Прошу васъ привѣтствовать отъ моего имени о. архимандрита Никодима и архим. Порфирія и добраго друга вашего доктора Строева ³⁾, каковыхъ прошу благосклоннаго обо мнѣ воспоминанія.

Съ великимъ почтеніемъ и любовью остаюсь вашъ всегда учитель Пюзей.

Съ 24-го марта начались мои постоянныя, полуоффиціальныя сношенія съ казначеемъ Высокопетровскаго монастыря, іеромонахомъ Юсіфомъ ⁴⁾ по дѣламъ ввѣренной мнѣ обители.

28-го числа о. казначей мой вотъ что писалъ мнѣ:

„Получивъ письмо ваше, долгомъ счелъ объявить братіи ваше благожеланіе. Замѣтно, съ любовію они приняли, тѣмъ болѣе послушники.

Въ обители пока все благополучно, при помощи Божіей, св. молитвахъ и вашемъ отеческомъ внушеніи съ кротостію духовною надѣюсь по немногу приводить все въ настоящій порядокъ.

¹⁾ Никодимъ Блокуровъ съ 1875 г. епископъ Старорусскій ; 1877, октября 14.

²⁾ Поновъ сконч въ 1866 г.

³⁾ Павла Михайловича, извѣстнаго ученаго археографа, академика (сконч 5 янв 1876 г.

⁴⁾ О Юсіфѣ—въ міръ Іоаннъ Рудневъ, по окончаніи въ Тульской семинаріи курса во 2-мъ разрядѣ, былъ священникомъ и учителемъ въ Тульскомъ духовномъ училищѣ. Овдовѣвши поступилъ въ Московскій Высокопетровскій монастырь и здѣсь принялъ монашество. Человѣкъ не высокаго образованія, но совершенно трезвый, честный и къ занятію хозяйственными дѣлами очень способный.

1861 г. 28-го ч. получилъ я изъ Петербурга отъ состоявшаго при оберъ-прокурорѣ св. Синода чиновника Николая Александровича Сергіевского ¹⁾ слѣдующее письмо полуофициальнаго содержанія:

„Ваше высокопреподобіе,
Молостивый государь!

Имѣю честь препроводить при семъ для академіи печатный экземпляръ описанія малой Парижской семинаріи ²⁾.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, прошу ваше высокопреподобіе принять увѣреніе въ высокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть“...

Присланная при письмѣ книга передана была мною въ академическую бібліотеку.

11-го апрѣля писалъ мнѣ изъ Петербурга А. Ник. Муравьевъ:

„Поспѣшаю препроводить къ вамъ конецъ краткой моей Св. Исторіи, заключающей въ себѣ Дѣянія Апостольскія и понятія о церкви. Сдѣлайте милость, ускорите мнѣ возвратить сію тетрадь процenzурованною, потому что начало Исторіи уже печатается и будетъ кончено къ Пасхѣ, а мнѣ придется, быть можетъ,—выѣхать отсюда на Оومیной, то надобно кончить, или направить по крайней мѣрѣ, печатаніе до отѣзда.

Поблагодарите почтеннѣйшаго Александра Васильевича ³⁾ за доставленныя мнѣ свѣдѣнія о Никонѣ Патріархѣ. Надѣюсь увидѣть васъ въ Лаврѣ и, можетъ быть, просить васъ о гостепрѣмствѣ въ Академіи на одну ночь, если только крайность не заставитъ меня спѣшить въ Кіевъ. Хотѣлось бы воспользоваться совѣтами лаврской премудрости ⁴⁾ для продолженія Исторіи Никона и показать ему начатки.

Простите, кланяйтесь и неумолимому секретарю ⁵⁾ и всѣмъ, которые еще меня помнятъ и жалуютъ“.

---

¹⁾ Нынѣ попечит. Вятенск округа, тайный совѣтникъ

²⁾ Составлено самимъ Н. А. Сергіевскимъ вздвиншимъ за границу по порученію оберъ-прокурора св. Синода, для обозрѣнія тамошнихъ духовно-учебныхъ заведеній. Описаніе, хотя и печатное, но въ продажѣ не вышущено

³⁾ Горскаго.

⁴⁾ Того-же А. В. Горскаго

⁵⁾ Цензурнаго Комитета проф. П. С. Каранскому

15-го числа писалъ мнѣ изъ Вологды ректоръ семинаріи, 1861 г. архим. Іонафанъ ¹⁾:

„Я виноватъ предъ вами трижды. Первая вина моя,— я до сей поры не благодарилъ васъ за хлѣбъ-соль и радушный пріемъ вашъ въ Москвѣ; вторая, я — не отозвался радостнымъ и благожелательнымъ сочувствіемъ къ повышенію вашему по службѣ; а третья,—не зарпортовать о благоденствіи вѣрнной вашему покровительству Вологодской семинаріи. Первую вину не теряю надежды со временемъ исправить и загладить; вторую — простите ради св. Четырехдесятницы и грядущаго свѣтлаго праздника, а третью—теперь-же позвольте поправить.

Служеніе мое Вологодской семинаріи, начавшееся мирно и покойно, продолжается, благодареніе Господу, мирно и покойно. Семинарія Вологодская хороша и благоустроена. Г. профессора трудолюбивы, и всякому доброму начинанію и дѣлу сочувствуютъ отъ души; воспитанники мои,—а особенно природные Вологодцы и зыряне благопокорливы и усердны къ занятіямъ: Новгородцы, коихъ впрочемъ не много, довольно рѣзко отичаются отъ Вологодцевъ духомъ и характеромъ; въ нихъ замѣчается не злонамѣренная, впрочемъ, склонность ко всему новому, реакціямъ, прогрессу и свободѣ; ладить съ ними дов. трудно.

Зданія семинарскія хороши и удобны для помѣщенія, исключая впрочемъ больницы, которая мало удобна для помѣщенія больныхъ. Съ училищами, вѣденію семинаріи подлежащими, за исключеніемъ Вологодскаго, я знакомъ только по официальнымъ бумагамъ.

Преосвященнѣйшій нашъ ²⁾ благословляетъ мнѣ въ настоящемъ году обзрѣть училища: Тотемское и Устюжское, гдѣ обзрѣнія не было съ 1851 г., а также и Яренское, ревизированное съ 1841 г.; предложилъ также въ настоящемъ году и на будущее время почтить празднествомъ 15-е іюля—день незабвеннаго посѣщенія Вологодской семи-

¹⁾ Рудневъ съ 1860—ректоръ Волог сем съ 1866—еписк Кидешемскій съ 1869—Олонекій съ 1877 г.—Ярославскій, съ 15 мая 1883 г архіепископъ.

²⁾ Епископъ Христофоръ Еммаусскій Скопч 1872 г 11 авг на покой въ Тотемскомъ Спасо-Суморинь монастырь Въ Вологдъ былъ съ 1856 по 1866 годъ.

1861 г. парін Его Императорскимъ Величествомъ. Празднество это, я предполагаю устроить такъ: собрать учениковъ въ залъ собранія, отслужить благодарственный молебень, а послѣ молебна заставить лучшихъ учениковъ произнести свои сочиненія въ залѣ-же собранія въ назиданіе и поощреніе товарищамъ. Если вы, ваше высокопреподобіе, одобрите мои предположенія, почтите меня вашимъ благоизволеніемъ и наставленіемъ, какъ мало-опытнаго.

За симъ долгомъ считаю благопочтеннѣйше поздравить ваше высокопреподобіе съ наступающимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія;—отъ души желаю вамъ провести оный въ добромъ здравіи и душевномъ спасеніи“.

На письмо это, полученное мною 25-го апрѣля, отвѣчать я отъ 9-го мая; но что писалъ,—не помню.

Числа 15-го апр. отправился я въ Москву, для посѣщенія вѣрннаго мнѣ Высокопетровскаго монастыря, гдѣ и оставался до Фоминой недѣли.

Въ Москвѣ получилъ я 20-го числа письмо отъ новаго инспектора Академіи, архимандрита Михайла ¹⁾. Онъ писалъ мнѣ отъ 18-го числа:

„Ваше высокопреподобіе,

Высокопреподобнѣйшіи о ректоръ!

Долгомъ считаю увѣдомить васъ, что г. Синодальный оберъ-прокуроръ отъ 12-го текущаго мѣсяца далъ знать академическому правленію о назначеніи меня (опредѣленіемъ св. Синода отъ 25-го минувшаго марта) на должность инспектора здѣшней академіи.

Вполнѣ сознавая и цѣня то живое и дѣятельное участіе, какое вы принимали въ этомъ дѣлѣ, и будучи увѣренъ, что вашему ходатайству и настоянію обязанъ я этимъ назначеніемъ,—приношу вамъ мою глубокую и искреннюю благодарность. При помощи Божіей, я буду стараться оправдать ваше довѣріе честнымъ и усерднымъ исполненіемъ новой моей должности.

Въ Академіи до настоящаго времени все благополучно. Бумагъ особенно важныхъ не получено ни откуда. Студенты, оставшіеся здѣсь (около 60 человекъ) говѣютъ усердно и ведутъ себя хорошо. Особеннаго вообще ничего нѣтъ. Въ

¹⁾ Лукина, выше упомянутого

комнаты свои думаю переселиться къ Свѣтлому празднику, 1861 г. и гостей въ этотъ день думаю принять тамъ. Завтра намѣреваюсь отправить по почтѣ благодарственное письмо къ владыкѣ-митрополиту.

Желая вамъ въ радости встрѣтить Свѣтлый день и испрашивая вашихъ молитвъ—имѣю честь быть вашего высокопреподобія усерднѣйшимъ слугою архимандритъ Михаилъ.

P. S. Сейчасъ получена и отъ владыки бумага о назначеніи меня инспекторомъ“.

Въ 22-й апрѣля день удостоился я первой высочайшей награды—сопричисленія къ ордену св. Анны 2-й степени.

6-го мая писалъ мнѣ изъ Петербурга А. Н. Муравьевъ:

„Препровождаю къ вамъ, по установленному уставу, экземпляры моей книги—Свящ. Исторіи ветхаго и новаго завѣта, и по случаю моего отъѣзда, покорнѣйше прошу доставить цензурный билетъ въ типографію Министерства Удѣловъ, находящуюся, въ С.-Петербургѣ, на Литейной, въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ“.

10-го ч. писалъ мнѣ изъ Абакумова мой старыи товарищъ и другъ, о. Мнх. Граменицкій:

„Осмѣливаясь симъ всепокорнѣйше изъявить вамъ свою нижайшую преданность и усерднѣйшее почтеніе, прошу всепокорнѣйше, благоволите удостоить вашего обильно-благодатнаго благословенія сихъ пилигримокъ—мою жену и дочь.

Извините и простите дерзость вашего прежняго по семинаріи друга, нарушающаго симъ ваше спокойствіе.

Вашего высокопреподобія имѣю честь пребыть нижайшимъ слугою“...

Получивъ это письмо 13-го н., я немедленно отвѣчалъ на него:

„Благодарю васъ за письмо: но позвольте попенять на васъ за то, какъ, какимъ письмомъ это написано... Что это? Ужели вы думаете, что съ перемѣною мѣста моей службы измѣнились мои отношенія къ вамъ? Ужели вы думаете доставить мнѣ удовольствіе вашимъ самоуничиженіемъ предо мною? Не уничиженіе, а ваша искренность и дружба пріятны и дороги для меня.

Прошу васъ впередъ никогда такъ не писать мнѣ, если хотите, чтобъ я отвѣчалъ на ваши письма. Пишите ко мнѣ и теперь такъ же, какъ писали бывало въ Муромѣ“.

1861 г. 17-го же ч. писалъ мнѣ изъ Москвы ректоръ семинаріи, о. Игнатій:

„Узнавъ изъ вѣрнаго источника о монаршей милости, соприсчислившей васъ къ ордену св. Анны, поспѣшаю съ привѣтствіемъ. Не хочу откладывать привѣтствія до того времени, когда пришлютъ самый орденъ. Да подастъ вамъ Господь Богъ благоуспѣшность во всемъ. Да процвѣтаетъ болѣе и болѣе ввѣренная вамъ обитель духовнаго просвѣщенія.

Завтра въ часъ назначенъ выходъ Высочайшіи въ Успенскій соборъ и Чудовъ монастырь. Говорятъ, что Государь пробудетъ здѣсь недолго, а Императрица довольно времени. Привезутъ и великаго князя Сергія Александровича“ 1).

18-го ч. писалъ я въ Москву преосвященному Леониду:

„Во исполненіе вашего порученія, имѣю честь препроводить при семъ вашему преосвященству икону Владимірской Б. Матери. Не знаю, понравится-ли вамъ письмо: но я долженъ объяснить вашему преосвященству, что, еслибъ у иконописца Малышева 2) не оказалось заготовленной прежде, хотя и неотдѣланной окончательно, иконы, онъ не взялся-бы, въ настоящую пору, вновь писать икону: у него слишкомъ много заказовъ! Цѣна иконѣ—15 р.

Что скажу вамъ новаго о себѣ? Но у насъ, въ пустынь, какія новости? Иное дѣло—столица. Правда-ли, что министромъ народнаго просвѣщенія назначается вашъ пріятель—графъ Путятинъ 3)? Это было-бы пріятно: авось наша распущенная и гнилая литература сколько-ниб. поисправится. Графъ вчера, на короткое время, былъ здѣсь и, какъ слышно, заходилъ къ Александру Васильевичу 4): но я не видался еще съ нимъ послѣднимъ и не знаю, о чемъ у нихъ была бесѣда

Ваше преосвященство очень много обязали бы меня,

1) Нынешняго Московскаго Генераль-Губернатора

2) Ивана Матвѣевича († 1880 г.), сынъ котораго Константинъ Ивановичъ и доселѣ содержитъ живописную мастерскую въ собственномъ домѣ въ Сергіевомъ Посадѣ: а въ 1861 г. Малышевъ работалъ еще въ Лаврскон живописной.

3) Евѣиміи Васильевичъ, вышеупомянутый. Онъ дѣйствительно и назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, хотя и не долго пребылъ въ этой должности

4) Горскому

еслибы написали мнѣ что-либо о столичныхъ слухахъ и 1861 г. толкахъ.

А мы начинаемъ уже наслаждаться красотами весенней природы; почти ежедневно выѣзжаю я туда и сюда для прогулки. При этомъ невольно и съ грустію вспоминаю о Московской духотѣ и о вашемъ Саввинскомъ подворьѣ. Но, можетъ быть, и у васъ начинаются загородныя экскурсіи?— Или продолжаютъ еще несчастныя ежедневныя экскурсіи по экзаменамъ?—Но вотъ и наши экзамены не за горами: какъ-то придется сдавать ихъ!—Скажите, Бога ради, когда пожалуютъ къ намъ Высочайшія гости, и когда ожидать намъ приѣзда владыки“?

Того-же 18-го ч. писалъ я Ангѣ Бор. Нейдгартъ:

„Русская пословица гласитъ: не дорогъ подарокъ, дорога любовь. Вашъ простой, но очень вкусный хлѣбъ принялъ я, какъ знакъ вашего расположенія и дорогой памяти о мнѣ.

Прошу взаимно и отъ меня принять не дорогой, но священный и освящающій даръ. Просфору эту благоволите принять, какъ знаменіе благословенія отъ пр. Сергія, на св. мощи коего она была возложена.

Сколько былъ я удивленъ, столько-же и обрадованъ печальнымъ посѣщеніемъ добраго и почтеннаго семейства, вамъ не безъизвѣстнаго. Но, признаюсь, не могъ не пожалѣть о томъ, что ко мнѣ пожаловала свѣта безъ своей повелительницы, явились послушницы безъ игуменіи и пр. и пр. Какъ былъ-бы я радъ, еслибы вы, достопочтеннѣйшая моя матушка, Анна Борисовна, хотя разъ почтили меня своимъ посѣщеніемъ на новомъ мѣстѣ моего жительства! Но, видно, ректоръ академіи менѣе заслуживаетъ вашего благосклоннаго вниманія, чѣмъ бывало ректоръ семинаріи и даже Синод. ризничій, который при томъ наскучивалъ вамъ своими комиссіями по части аксамитовъ, дробницъ и т. п. Но Господь съ вами!...

А я всетаки остаюсь съ неизмѣннымъ къ вамъ уваженіемъ и почтеніемъ“.

21-го ч. получилъ я письмо изъ Владиміра отъ ректора семинаріи, архим. Алексія ¹⁾: онъ писалъ мнѣ отъ 17-го числа:

¹⁾ Новоселовъ съ 1860 г.—ректоръ Владиміръ сем. съ 1867—еп. Томскій съ 1868—Екатеринославскій † 1880 г. февр. 26.

1861 г. „Приношу душевную благодарность вашему высокопреподобію за память о мнѣ и присланную книгу твореній блаж. Θεодорита. Это сочиненіе такъ для меня дорого, что лучшаго знака вниманія вашего ко мнѣ не могу ожидать. Не забыть и я радушія и гостепрїимства вашего и дѣйствительно намѣревался быть въ Москвѣ, во время святой седмицы, чтобы лично поздравить ваше высокопреподобіе съ свѣтлымъ праздникомъ и порученіемъ вамъ новой должности; но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. По испорченности дороги и замедленію почтовыхъ сообщеній Владимира съ Москвою благовременно я не могъ найти мѣста въ дипломахахъ и почтовыхъ брикахъ, а потому и принужденъ былъ измѣнить своему обѣщанію.

Усерднѣйше прошу ваше высокопреподобіе принять хотя позднее и вмѣсто личнаго письменное, но искреннее привѣтствіе мое съ высокою должностію и новымъ мѣстомъ подвижническаго жительства. Преп. Сергій своими молитвами и предстательствомъ да благоустроитъ и этотъ путь жизни къ лучшему, помогая вамъ во всѣхъ благихъ дѣлахъ вашихъ. Въ доказательство искренняго моего благожеланія и молитвъ о ниспосланіи вамъ помощи свыше, имѣю честь препроводить вашему высокопреподобію, по сей же почтѣ, живописную икону Муромскихъ чудотворцевъ, покровителей родины вашей.

Намѣренія—явиться къ вашему высокопреподобію—доселѣ не оставляю и, если позволите, въ слѣдующіе каникулы, при помощи Божіей, исполню“.

22-го числа писала мнѣ изъ Москвы А. Б. Нейдгартъ:

„Вы не можете себѣ представить, какъ порадовало меня письмо ваше, батюшка о. архимандритъ, о. ректоръ!

Благодарю васъ и душевно, и сердечно и за прїятное письмо, и за святую просфору, которую, изрѣзавъ на куски, я уже высушила и буду употреблять каждое утро. Княгиня Дадіанъ обстоятельно рассказала мнѣ свиданіе ея съ вами, и я очень, очень жалѣла, что меня тутъ не было съ вами! Бывшій патріаршій ризничій, а потомъ и ректоръ семинаріи, жилъ со мною въ одномъ городѣ, и я имѣла возможность видѣться съ нимъ и у него, и у себя, и у другихъ; нынѣшній же ректоръ академіи слишкомъ отдаленъ, чтобы видѣться съ нимъ часто. А какъ-бы хотѣлось мнѣ посѣтить

его въ новомъ его загородномъ домѣ! Но вотъ много къ тому 1861 г.
препятствій, въ особенности же теперь, когда дочь моя еще
не оправилась отъ довольно опасной болѣзни, во время ко-
торой я очень безпокоилась на ея счетъ. Теперь она еще
все очень слаба, и вотъ почему мы отложили поѣздку въ
деревню до первыхъ чиселъ будущаго мѣсяца.

Въ глазахъ моихъ развѣвается флагъ на царскихъ хоро-
махъ. Иногда народъ толпится вокругъ нихъ, чтобы взгля-
нуть на свѣтлыя очи батюшки царя государя; и я было по-
сматривала туда въ зрительную трубку, но никого не видаю,
и ѣхать къ нимъ на поклонъ—не поѣду; куда мнѣ—старухѣ
съ больными ногами, представляться Царицѣ; она же меня
не знаетъ, а Царь-то вѣрно ужъ давно забытъ о моемъ су-
ществованіи. Vanitas vanitatum, omnia vanitas ¹⁾! Слышала какъ
гудѣлъ большой Успенскій колоколъ въ 4,000 пудовъ, слы-
шала радостные громогласные ура! Видѣла суету и движе-
ніе народа, вотъ и будетъ съ меня! А вы то батюшка о.
Савва, извольте-же готовиться принимать дорогихъ гостей.
Говорятъ, что будто-бы императрица собирается идти пѣш-
комъ къ Троицѣ, по примѣру древнихъ нашихъ царицъ и
царей. Вѣроятно, митрополитъ предваритъ ихъ пріѣздомъ
своимъ въ Лавру; и такъ, желаю вамъ много удовольствія
и наслажденій.

Вотъ и еще два письма получила отъ епископа Тавриче-
скаго ²⁾. Проситъ, чтобы я не считалась съ нимъ письмами,
но чаще-бы писала къ нему, какъ говорить, мои угѣшитель-
ныя, умныя, радушныя и откровенныя письма. Смотрите какъ
горькій опытъ поучаетъ людей и измѣняетъ ихъ! Преосв.
Алексій никогда ни писалъ мнѣ въ деревню, какъ самъ былъ
въ Москвѣ; не отвѣчалъ на письма мои, когда былъ въ
Тульѣ,—тогда счастье улыбалось ему; все угождали и смо-
трѣли ему въ глаза. Теперь уже не то! Онъ почитаетъ себя
изгнанникомъ въ Симферополѣ; въ дальнемъ уголкѣ онъ уже
недоступенъ пріятелямъ счастливаго своего времени; быть
можетъ, многіе уже и забыли его; а въ Таврицѣ и глухо и
скучно!... Вотъ наконецъ и оцѣнилась постоянно искренняя
дружба моя, вотъ и прибѣгаютъ къ ней, и просятъ, чтобы я

¹⁾ Суета суетствій, всяческая суета (Еккл. 1. 2)

²⁾ Алексія Ржавицына, раньше не разъ упоминаюгаго

1861 г. не забывала изгнанника. А я, какъ получу письмо, тотчасъ-же и отвѣчаю и пишу много, много! Все, что знаю или слышу, все пишу ему, будущи увѣрена, что все это и утѣшитъ и развлечетъ его. Развѣ это не есть духовная милостыня! Когда счастливъ человѣкъ, то можно и не думать о немъ; но протянуть руку въ невзгодѣ, вымолвить доброе слово, оказать пріязнь въ горѣ,—о! это дѣло христіанское!

На слова письма его: помяните имя мое въ молитвѣ и приподнимите меня отъ земли къ небу: ибо самъ по себѣ, легкаго паренія къ небу, свойственнаго преподобнымъ, я не имѣю—я отвѣтила: „Вамъ много труда, много безпокойствъ и непріятностей; но за то роскошная природа страны обитаемой вами, надѣляетъ васъ наслажденіями, которыхъ никто отнять у васъ не можетъ. Отдаленные отъ смутъ и тревоженій житейскихъ, вы спокойнѣе можете заниматься дѣлами службы вашей, и, хотя внутренній миръ вашъ и возмущается иногда внѣшними затрудненіями, неудовольствіями и, быть можетъ, иногда и несправедливостію, но за то, духовное существо ваше, смиреніемъ и терпѣніемъ возвышаясь надъ всѣмъ, что гнететъ сердце, очищается все болѣе и болѣе и обрѣтаетъ въ молитвѣ новыя силы для борьбы съ превратностями земной жизни нашей. Не одни тѣ мученики, которые исповѣдниками на кострахъ лишились жизни за имя Христово; подобные же нетлѣнные мученическіе вѣнцы готовятся и тѣмъ изъ насъ, кто безропотно и со смиреніемъ переноситъ всѣ скорби земныя, за все благодаря Отеческое Провидѣніе Божіе, ведущее насъ, неизвѣстными намъ путями, въ нѣдра вѣчнаго блаженства. Да не смущается-же сердце ваше! Богъ любитъ васъ, Богъ не забыть васъ, ибо *бѣетъ* только того сына, *егоже пріемлетъ*. Такая утѣшительная надежда, не покрываетъ-ли все земное—преходящее!..

Кто знаетъ! быть можетъ, если буду еще жива и здорова, придется мнѣ писать въ такомъ же смыслѣ, и при такихъ-же обстоятельствахъ и тѣмъ другимъ, которые въ счастіи забываютъ и дружбу, и преданность мою. *Amicus certus in re incerta cernitur. Verum ne est* ¹⁾?

¹⁾ Вѣрный другъ познается въ сомнительномъ дѣлѣ. Не правда ли?

Много имѣла я горькихъ опытовъ на счетъ истинной дружбы; часто сжималось сердце при видѣ бездушнаго эгоизма людей; но все это не исправило меня. Я еще и всегда готова вѣрвать во все прекрасное и благородное! А знаете ли вы, въ чемъ я находила всегда утѣшеніе и наслажденіе для себя?—Въ утѣшеніи, по возможности своей, тѣхъ, кои болѣе всѣхъ оскорбляли дружбу, чувства и преданность мою. О, какъ сладостна эта обязанность христіанская! Часто случалось мнѣ негодовать и даже отвращаться отъ неблагодарныхъ и нечувствительныхъ; но если они имѣли нужду или въ предостереженіи, или въ утѣшеніи, или въ поддержаніи душевныхъ силъ... тогда я забывала собственное оскорбленіе, и мнѣ становился милъ тотъ человѣкъ.

Вотъ, и вы, если забудете меня, то знайте, что я сперва отвращусь отъ васъ, какъ отъ нечувствительнаго эгоиста; но потомъ, если я могу вамъ въ чемъ-либо пригодиться,—то смѣло обращайтесь ко мнѣ, и тогда я все забуду и буду отъ души благодарить васъ за благородную довѣренность ко мнѣ.—Но сердце чуетъ мое, что вы никогда не будете ни эгоистомъ, ни нечувствительнымъ. Вы добры, откровенны и благородны; будемъ-же жить дружно между собою!

Сперва хотѣла было я исписать къ вамъ одинъ только листикъ; но вотъ, принялась ужъ и за другой, потому что пишу вамъ по влеченію сердца, а не ума, безъ претензій и что придетъ на умъ. Послѣ вашихъ дневныхъ трудовъ и заботъ, подъ вечеръ, когда все умолкаетъ въ природѣ и вокругъ васъ, въ часъ сумерекъ завѣтныхъ, вы, быть можетъ, охотно прочитаете письмо изъ сторонюшки любимой, письмо радушное, дышущее пріязнію и простодушіемъ.

Жаль, что никакихъ новостей не знаю: съ тѣхъ поръ какъ вашъ оберъ-прокуроръ ¹⁾ пріѣхалъ въ Москву, нѣжная супруга его ²⁾, всѣхъ забыла, и я объ ней не имѣю никакой вѣсточки, вотъ дружба-то земная! Я заѣзжала къ ней нѣсколько разъ узнать о ея здоровьѣ, велѣла сказать ей, что дочь моя тогда была очень больна, и все это, какъ камень въ воду. Вотъ уже съ недѣлю какъ я къ ней и не заѣзжаю послѣ обѣдни; можетъ быть вспомнить обо мнѣ какъ

¹⁾ Графъ А. П. Толстой

²⁾ Анка Георгіевна.

1861 г. мужъ уѣдетъ. Преосвященнаго ¹⁾ тоже рѣдко вижу; ему, въ особенностяхъ теперь, не до меня; но и всегда—что ему во мнѣ? Быть можетъ, настанетъ время, что и онъ, подобно преосвящ. Алексію ²⁾, будетъ просить меня почаще писать къ нему.—Поспѣжу у моря, подожду погоды.

Вчера былъ у меня о. Игнатій ³⁾. Кажется, онъ собирается лѣтомъ погостить у васъ. Они теперь все сидятъ дома въ ожиданіи не заглянетъ-ли къ нимъ Государь. Вчера владыка—митрополитъ проѣхалъ мимо насъ въ три часа и возвращался въ восьмомъ часу домой: вѣроятно онъ обѣдалъ въ Александріи ⁴⁾ у Ихъ Импер. Величествъ.

Завтра собираюсь ѣхать къ вашему о. казначею ⁵⁾. Не знаю, говорили ли вы ему о просьбѣ моей на счетъ сына Кленовскаго моего причетника. Я васъ просила, чтобы вы приказали принять его, если это возможно, въ число послушниковъ въ Петровскій монастырь, и вы обѣщались мнѣ поговорить объ этомъ казначею. Не забыли-ли вы о просьбѣ моей? Сегодня былъ у меня причетникъ мой и я ему сказала, чтобы онъ на дняхъ привезъ сюда сына своего, а я завтра поѣду къ вашему казначею, чтобы узнать у него, говорили ли вы ему объ этомъ мальчикѣ, а если нѣтъ, то попрошу его написать вамъ объ этомъ; если-же вы не забыли ваше обѣщаніе, то я предупрежду его, что мальчикъ скоро явится къ нему на разсмотрѣніе.

Вотъ я уже и устала писать! Пожалуй еще и надобла я вамъ болтовнею своею. *Patience, Monsieur le Recteur, je dois finir* ⁶⁾.

Прощайте, мой добрый и почтеннѣйшій о. Савва! Не забывайте меня, молитесь за меня и благословляйте иногда мысленно ту, которая и помнитъ, и любитъ, и молится постоянно за васъ и пребудетъ навсегда истинно вамъ преданная А. Нейдгартъ.

Пожалуйста не пишите мнѣ церемонныхъ писемъ“.

---

¹⁾ Леонида

²⁾ Ржаницыну

³⁾ Рождественскій

⁴⁾ Царскій дворецъ на окраинѣ Москвы за Калужскими воротами

⁵⁾ Иеромонаху Іосифу, въ Высокопетровскомъ монастырѣ

⁶⁾ Терпѣніе. отецъ ректоръ, я должна сейчасъ кончить.

24-го ч. писалъ мнѣ изъ Москвы казначей Петровскаго 1861 г. монастыря, іером. Іосифъ:

„Въ исполненіе вашихъ совѣтовъ я строго слѣжу за послѣдниками и дѣлаю выговоры, особо за то, что они часто выходятъ во время Богослуженія; теперь лучше стали себя вести, тѣмъ болѣе по объявленіи всей братіи вашего письма, что до нихъ касается, и по внушеніи имъ всѣхъ правилъ благоприличія, какъ стоять въ церкви, надѣюсь за молитвами вашими на успѣхъ.

Анна Борисовна Нейдгартъ предлагала о томъ мальчикѣ, о которомъ и васъ просила принять въ обитель, по совѣту вашему я далъ слово, даже принять и подѣ особыи надзоръ.

26-го ч. писалъ я въ Москву ректору семинаріи, архим. Пгнатію:

„Принося вамъ благодарность за поздравленіе меня съ грядущею монаршею милостію, усердно привѣтствую васъ съ настоящею высочайшею милостію Верховнаго Виновника и Подателя жизни и здравія, благословляющаго вѣнецъ новаго для васъ лѣта. Отъ всей души желаю вамъ на новый годъ вашей жизни новаго, большаго преуспѣянія въ дѣлахъ вашего служенія на пользу духовнаго образованія.

Для вашего новаго года жалалъ-бы, вмѣсто презента, сообщить вамъ какую-либо новость: но не знаю, что сказать вамъ особеннаго. Если не слышали еще о назначеніи въ черниговскую семинарію новаго ректора, то, пожалуй, сообщу вамъ, что туда назначень инспекторъ Ярославской семинаріи Евгений ¹⁾. Теперь намъ предстоитъ забота выбрать на его мѣсто новаго инспектора, а кандидатовъ имѣется въ виду очень, очень немного.

Вотъ о. протоіерей Назаревскій ²⁾ пишетъ ко мнѣ и проситъ сдѣлать распоряженіе по вашему представленію на счетъ выдачи ему прогоновъ. Скажите ему, что распоряженіе мною сдѣлано и представленіе объ этомъ академическаго Правленія послано уже въ Синодъ.

---

¹⁾ Шершиловъ, съ 1861 г.—рект. Чернигов. сем. съ 1870 г.—еп. Брестскій, а потомъ: Ковенскій, Минскій, Астраханскій, Ставропольскій, съ 1893 г. Могилевскій † 1897 г. 23 марта

²⁾ Владиміръ Григорьевичъ, выше упомянутый

1861 г. Послѣ зимняго безмолвія и тишины, мало по малу начинаютъ оживать и наша пустыня: почти каждодневно являются ко мнѣ съ разныхъ сторонъ и родные, и знакомые въ качествѣ богомольцевъ. Вижу, что лѣтомъ не скучно будетъ мнѣ и здѣсь“.

1-го іюня писалъ я въ Москву Аннѣ Б. Нейдгартъ:

„Ваше пространное и, говоря словами Таврическаго Святителя ¹⁾, умное, радушное и откровенное письмо отъ 22-го мая я имѣлъ удовольствіе получить 25-го числа. Приношу вамъ за такое дорогое письмо мою искреннюю, сердечную благодарность. Душевно былъ бы радъ, если-бы вы почаще дарили меня такими назидательными письмами. Только заранѣе не могу не пожалѣть о томъ, что едва ли я въ состояніи буду отвѣчать вамъ тѣмъ — же: у меня далеко не тѣ условія, какими пользуетесь вы: вотъ, напримѣръ, и это письмо я хотѣлъ написать вамъ и послать вчера: но едва лишь взялся за перо, какъ явился одинъ посѣтитель, за тѣмъ другой, третій и такъ далѣе, до самаго вечера. Вообще, у меня теперь такая же веселая и шумная пора, какъ бывало и въ Москвѣ; почти каждодневно посѣщаютъ меня то родные, то знакомые изъ разныхъ мѣстъ, и болѣе всего изъ Москвы. На дняхъ доставили мнѣ истинное утѣшеніе своимъ посѣщеніемъ мои добрые знакомые—Арбатскій о. протоіерей²⁾ съ матушкою. Отъ нихъ я слышалъ нѣчто и о васъ, о вашемъ ихъ посѣщеніи, которое для нихъ очень дорого.

У насъ получено извѣстіе и, кажется, уже рѣшительно, о прибытіи 5-го числа въ Лавру Царственныхъ гостей. Для срѣтенія Ихъ Величествъ, безъ сомнѣнія, прибудетъ и самъ Настоятель лавры; но не извѣстно, останется ли онъ здѣсь послѣ отбытія Высочайшихъ Особъ, или поспѣшитъ въ слѣдъ за ними въ Москву“.

2-го ч. писали мнѣ, по возвращеніи изъ лавры, почтенные Арбатскіе старцы, о. протоіерей С. И. Тихомировъ-Платоновъ и его супруга Любовь Яковлевна:

„Теперь не время-бы писать къ вамъ, не время-бы занимать васъ, какъ по всей вѣроятности, озабоченныхъ пріѣздомъ Владыки-Архипастыря нашего и ожиданіемъ высочай-

¹⁾ Епископа Алексія (Ржаницына)

²⁾ Сергій Ивановичъ Тихомировъ-Платоновъ.

шаго прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ: но благодарность за вашъ милостивый дружелюбный пріемъ насъ, за вашу приправленную радушіемъ хлѣбъ-соль, рвется не удержимо на бумагу; удовлетворяя справедливому чувству сему въ короткихъ словахъ и простоудушно выражаюсь предъ вами: спасибо, спасибо, превеликое спасибо вамъ за все, чѣмъ имѣли мы счастье пользоваться у васъ.

За благодатнымъ осѣненіемъ великаго молитвенника и за вашимъ напутственнымъ благожеланіемъ мы въ день отъѣзда нашего изъ св. лавры прибыли въ свой уголокъ въ 6 часовъ вечера. На другой день, какъ мнѣ хотѣлось, сдѣлать я въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и совершилъ поминование по усопшей;—по литургіи же отправился на подворье и тамъ поднесъ Его Высокопреосвященству ¹⁾ просфору, которая принята была милостиво, при нѣсколькихъ разспросахъ о лаврѣ и богомольи у преподобнаго; оттуда заѣхалъ я къ о. ректору Игнатію ²⁾ и съ нимъ побесѣдовалъ довольно, особенно о васъ; наконецъ пустился я къ его преосвященству ³⁾ и, къ сожалѣнію, не засталъ его у себя: онъ былъ гдѣ-то на экзаменѣ и слѣдственно не могъ я исполнить порученія вашего.

Теперь остается намъ одно, чтобы въ сладкомъ ожиданіи васъ въ Москву, просить Бога о сохраненіи здоровья вашего.

Съ чувствомъ совершенной преданности и сердечнаго уваженія честь имѣю быть вашего высокопреподобія покорнымъ слугою протоіерей Сергія Тихомировъ-Платоновъ“.

Далѣе пишетъ Любовь Яковлевна:

Ваше высокопреподобіе,

Милостивѣйшій отецъ мой!

Благодарю Бога и преподобнаго Сергія, что удостоились быть въ святой Лаврѣ, съ большою радостію собиралась я изъ Москвы и съ такою же горестію оставляла св. обитель.—Вашъ милостивый радушный пріемъ дастъ чувствовать истинно родственное расположеніе къ намъ, благодарности я не умѣю выразить, надѣюсь и утѣшаюсь мыслию, что опять

¹⁾ Митрополиту Московскому Филарету

²⁾ Рождественскому

³⁾ Епископу Дмитровскому Леониду.

1861 г. скоро увидимся съ вами, отецъ мой родной, мнѣ бываетъ иногда очень скучно, смотря на слабое здоровье моего старика, помолитесь о немъ, вспомните и меня грѣшную въ вашихъ св. молитвахъ.

Съ должнымъ уваженіемъ и сердечною преданностію честь имѣю быть вашего высокопреподобія покорнѣйшая слуга Любовь Тихомирова“.

Того-же 2-го ч. получила я изъ Москвы отъ ректора есми-наріи о. архим. Пгнатія:

„Усерднѣйшую вамъ приношу благодарность за поздравленіе, исполненное любви и благожеланій. Старцы Арбатскіе ¹⁾ не знаютъ, какъ и благодарить васъ за любвеобильный пріемъ и угощеніе.

Нынѣ скончался здѣсь братъ нашего князя Урусова ²⁾, который вѣроятно поспѣшитъ на погребеніе брата. Графъ ³⁾ здѣсь продолжаетъ жить.

Вчера Императрица въ 10-мъ часу мимо насъ проѣхала въ Екатерининскій Институтъ и пробыла тамъ до 12-ти часовъ; посѣщала классы и слушала отвѣты по Закону Божію. Это уже было вторичное посѣщеніе Института“.

5-го ч. писала мнѣ изъ Москвы А. Бор. Нейдгартъ:

„Нашъ Саввинскій іеромонахъ, о. Сергій отправляется въ Лавру, и вотъ, чрезъ него хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, почтеннѣйшій о. ректоръ, (мой добрый батюшка о. Савва), тѣхъ нѣсколько радушныхъ, дружескихъ словъ, которыя истекаютъ изъ сердца откровеннаго и искренно вамъ преданнаго. Благодарю васъ, столь же нелицемѣрно какъ и люблю васъ, за послѣднее письмо ваше отъ 1-го іюня: благодарю и за вниманіе ваше къ просьбѣ моеѣ; вашъ о. казначей ⁴⁾ былъ у меня, а потомъ и я была у него, просила и его призрѣть моего юношу ⁵⁾, и онъ обѣщалея мнѣ взять его подъ непосредственное покровительство свое. Садъ вашъ прекрасенъ! Порадовалась я, что вамъ будетъ гдѣ подышать въ душной Москвѣ, чистымъ воздухомъ; да и по-

¹⁾ Сейчасъ упомянутые.

²⁾ Сергѣя Николаевича

³⁾ А. П. Толстой, оберъ-прокуроръ св. Синода

⁴⁾ Высокопегровскій, іеромонахъ Юсифъ

⁵⁾ Сына причетника села Кленова, Подольскаго уѣзда. въ имѣніи А. Б. Нейдгартъ

ходить довольно много можно въ немъ. Гуляя въ немъ, я 1861 г. даже устала.

Если Богъ благословитъ, завтра выѣзжаю я изъ Москвы на чистый воздухъ; выѣзжаю съ грустію въ сердце, оставляя здѣсь немногихъ, но искренно любящихъ меня друзей, и мною столь любимую Саввинскую церковь. Вчера вечеромъ простилась я съ преосвященнымъ 1), и простилась дружески; я его такъ люблю за благородный характеръ его и за доброе сердце! На дняхъ я писала ему откровенное и правдивое письмо, и онъ такъ смиренно принялъ обличеніе истинной дружбы, что тронулъ меня до нельзя! Онъ просилъ меня писать ему объ облакахъ, и солнцѣ, и лунѣ, и о всѣхъ моихъ балконныхъ впечатлѣніяхъ.

Намѣреваюсь и вамъ писать изъ деревни, и прошу васъ только тогда писать ко мнѣ, когда будете имѣть нѣсколько свободнаго времени въ своемъ распоряженіи. Не стѣсняю васъ отвѣтами на письма мои; я ищу искренности, а не принужденія. Я и сама только тогда буду писать вамъ, когда почувствую влеченіе къ этому; когда дружеское воспоминаніе о васъ, заставитъ перо мое бѣгло скользить по бумагѣ, чтобы передать вамъ всѣ ощущенія его. Я уже давно помѣстила васъ въ число немногихъ истинныхъ друзей моихъ: подтвердите ли вы, съ своей стороны, это желаніе мое? Вы видите,—я простодушна и откровенна; будьте и вы такимъ со мною.

Прощайте, прощайте! Если я скоро умру въ деревнѣ,—то отслужите по мнѣ панихиду, и духъ мой будетъ летать около васъ, чтобы благодарить васъ! Если же еще не умру, то пришлите мнѣ чрезъ о. Сергія 2) просфору, которую уже онъ перешлетъ ко мнѣ—въ деревню. Молюсь за васъ отъ всей души, и часто, часто вспоминаю о васъ!—Благословляйте меня мысленно вечеромъ, когда отходите ко сну, и знайте, что каждый вечеръ и я—грѣшная, мысленно благословляю васъ. Помолитесь за меня, чтобы я не упала духомъ, когда приближается скорбь;—чтобы вѣра, надежда и любовь всегда согрѣвали сердце мое, и чтобы это сердце мое оставалось на всегда преданнымъ волю Божию. Вы же, мой добрый

---

1) Леонидомъ.

2) Упомянутаго выше іеромонаха Саввинскаго подворья, въ Москвѣ.

1861 г. о. Савва, будьте всегда увѣрены въ неизмѣняемыхъ чувствахъ вамъ отъ души преданной“...

5-го числа изволили прибыть въ Троицкую Сергіеву Лавру⁴ для поклоненія пр. Сергію, Ихъ Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица съ августѣйшими дѣтьми, Великою княжною Марією Александровною и Великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Настоятель лавры, преосв. митрополитъ встрѣтилъ по обычаю, Высочайшихъ поклонниковъ папидательною, съ политическимъ оттѣнкомъ, рѣчью¹⁾. Посѣщеніе Царскихъ Особъ, всегда радостное и вождельнное для обитателей Лавры Сергіевой, на этотъ разъ было ознаменовано нѣкоторою чрезвычайною особенностію. Государственнымъ родителямъ благоугодно было, чтобы Ихъ юная единственная дочь, достигшая восьмилѣтняго (безъ 4-хъ мѣсяцевъ) возраста принесла исповѣдь предъ маститымъ настоятелемъ Лавры и за тѣмъ сподобилась причаститься св. тайнъ въ обители угодника Божія Сергія. Съ нею вмѣстѣ причащенъ былъ и ея юнѣйшій (четырёхлѣтній) братъ, соименникъ преп. Сергія, Сергій Александровичъ. Литургію 6-го ч. совершали въ Троицкомъ соборѣ самъ Владыка; съ нимъ и я удостоился служенія.

Какъ бы въ воздаяніе за совершеніе для Царскихъ дѣтей духовной требы, митрополитъ Высочайше пожалованъ былъ въ этотъ день наперстнымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями,—чего недоставало ему и чего онъ крайне желалъ.

Послѣ литургіи, митрополитъ и я съ намѣстникомъ Лавры удостоены были приглашенія къ царской трапезѣ. Когда, въ назначенный часъ, мы вышли въ залу, гдѣ приготовленъ былъ столъ, мы увидѣли тамъ весело рѣзвляющихся причастниковъ и когда, по выходѣ Ихъ Величества, сѣли за столъ, они во все время обѣда продолжали громко смѣяться, не смотря на строгіе взгляды августѣйшей родительницы. Видно, дѣти всегда дѣти, въ какомъ-бы они высокомъ положеніи ни находились.

9-го ч. получилъ я отъ профессора академіи А. В. Горскаго записку слѣдующаго содержанія:

„Препровождаю къ вамъ слово, приготовленное на день

¹⁾ Рѣчь эта напечатана въ III ч. *словъ и рѣчей его*, М. 1861 г. стр. 384

Пятидесятницы, и прошу васъ покорнѣйше цензорски прочитать его. Нарочно не пошелъ я самъ, чтобы представить его вамъ: не хочу мѣшать вниманію и строгости вашего чтенія. 1861 г.

Если слово можетъ быть пропущено: то угодно-ли будетъ вамъ самимъ представить его Владыкѣ, или изволите представить это мнѣ, буди въ томъ ваша святая воля.

Я радъ тому, что раздѣлался съ этимъ дѣломъ“.

12-го ч. писалъ я въ Москву преосв. Леониду:

„Въ надеждѣ на вашу архипастырскую благосклонность, рѣшаюсь беспокоить васъ моею нижайшею просьбою. 18-го сего іюня храмовой праздникъ во ввѣренной мнѣ обители. Въ прежнія времена, при моихъ предшественникахъ, въ этотъ день, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, совершалось нерѣдко архіерейское служеніе. Весьма желательно, чтобы и нынѣ обитель не лишена была сего духовнаго утѣшенія.

Ваше Преосвященство великую явили-бы милость Высокопетровской обители, если-бы, въ день ея храмоваго праздника, благоволили совершить въ ней Божественную литургію, а послѣ литургіи удостоили своего архипастырскаго посѣщенія келлію отсутствующаго настоятеля.

Очень жаль, что до сихъ поръ не открыта желѣзная дорога отъ Лавры до Москвы: нынѣ, такъ какъ храмовой праздникъ въ моей обители прилучился въ воскресный день, мнѣ было-бы удобно самому присутствовать на праздникѣ. Но для меня и то пріятно, что, по причинѣ совпаденія праздника съ воскреснымъ днемъ, я могу на первый разъ, хотя и внѣ обители, совершить праздничное богослуженіе по надлежащему: а можетъ быть, Богъ приведетъ еще служить мнѣ въ этотъ день и со владыкою ¹⁾, съ которымъ уже на минувшей недѣлѣ я имѣлъ утѣшеніе служить четыре раза, между прочимъ, по случаю посѣщенія Лавры Высочайшими Особами.

Ваше преосвященство, безъ сомнѣнія, изволили читать въ *Моск. Вѣдомостяхъ* краткое описаніе пребыванія въ Лаврѣ Царственныхъ гостей. Въ этомъ описаніи, предварительномъ составленномъ С. К. Смирновымъ и исправленнымъ владыкою, опущено одно, по моему мнѣнію, весьма важное обстоятельство—это исповѣдь Великой Княжны, совершенная са-

¹⁾ Митрополитомъ Филаретомъ.

1861 г. мнѣ святителемъ. Въ нашемъ описаніи обстоятельство это было упомянуто: но святителю почему-то не угодно было допустить его въ печать. Крайне объ этомъ пожалѣли всѣ мы.

Благополучно-ли вы, преосвященнѣйшій, встрѣтили и проводили Высочайшихъ посѣтителей вашей Саввинской обители? Было-ли при этомъ что-либо похожее на то, что повѣствуется у Павла діакона о посѣщеніи Саввина монастыря Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ? Позвольте надѣяться услышать подробности сего посѣщенія при личномъ свиданіи съ вашимъ преосвященствомъ“.

Въ отвѣтъ на это преосвященный писалъ мнѣ отъ 15-го числа:

„Съ величайшимъ утѣшеніемъ приѣмлю возлагаемое на меня послушаніе и даже привезу гостей, такъ какъ братъ мой ¹⁾ и сынъ мой духовный теперь совершенно на моихъ рукахъ по воскреснымъ днямъ, ибо въ городъ пріѣзжаютъ на эти дни: совершенно одинокіе въ немъ.

Простите 8 часовъ бьетъ на башнѣ, а я еще не читалъ правилъ; сегодня день свят. Іоны Московскаго. Непремѣнно дамъ вамъ отчетъ о всемъ подробный.

Простите и помолитесь преподобному“.

Того-же 15-го ч. писалъ мнѣ и казначей мой, о. Іосифъ ²⁾:

„Благодарю васъ за ваше благожеланіе, жалѣю, что обитель наша не можетъ видѣть васъ какъ главу, въ торжествѣ нашего праздника.

Возвращаю вамъ докладъ съ письмомъ его преосвященства ³⁾. Преосвященнѣйшій изъявилъ желаніе съ удовольствіемъ служить въ нашей обители и послѣ службы посѣтить кельи вашихъ, думаю, что и откушаетъ. Даже сказалъ, что ни одинъ къ вамъ буду, по съ родными гостями. По приказанію вашему позабочусь исполнить по приличію во всемъ, какъ слѣдуетъ“.

18-го ч., въ день празднованія Боголюбской иконѣ Божіей Матери, я участвовалъ въ служеніи съ преосвящ. митрополитомъ въ церкви, устроенной близъ Геосиманскаго снща,

---

¹⁾ Александръ Васильевичъ Краснопѣковъ, о которомъ см. выше, стран. 51 и примѣч. 1.

²⁾ Рудневъ, выше упомянутый

³⁾ Епископа Леониды

въ особой пустынькѣ, гдѣ жилъ уединенно юродствовавшій 1861 г монахъ Филаретъ (въ мірѣ Филлишъ ¹⁾), изъ Вязниковскихъ крестьянъ, Владим. губ.). Послѣ литургіи, владыка, зашедши на короткое время въ келью Филарета, отравился въ скитъ, а прочіе служащіе, въ томъ числѣ и я, остались обѣдать. Столъ былъ накрытъ на открытомъ воздухѣ, подъ тѣнію сосновыхъ деревьевъ. Обѣдъ приготовленъ былъ на счетъ строительницы церкви, богатой Московскоіи купчихи (фамиліи не помню)—роскошный, но виша—ни капли: не дозволилъ юродивый Филаретъ. Послѣ такого оригинальнаго обѣда, пользуясь прекрасной погодой, мы съ Лаврекимъ казначеемъ, іеромон. Мелетіемъ ²⁾; отправились въ другія—дальнія пустыньки ³⁾, отстоящія отъ скита верстъ на 5. Оттуда вечеромъ возвратились домой.

20-го ч. писалъ мнѣ изъ Москвы Тронце-Арбатскій протоіерей С. П. Тихомировъ-Платоновъ:

„Вамъ не терпится, чтобы не вызвать меня на благодарность при всякомъ случаѣ, когда только можно. Сего іюня 18-го дня, въ монастырскіи вашъ праздникъ вамъ угодно было чрезъ о. казначея вашего пригласить меня къ обѣду. Цѣня дорого вниманіе ваше, я не смѣлъ отказать отъ приглашенія и потому особенно, что тутъ будетъ благожелательный пашъ владыка ⁴⁾; въ половинѣ перваго часа, послѣ своей литургіи явился я въ монастырь: и что-же? Въ передней на вопросъ мой: не кушаютъ ли? Слышу отвѣтъ: подаютъ уже послѣднее блюдо. Что было мнѣ дѣлать? Взойти въ залу счелъ я нескладнымъ, чтобы не помѣшать гостямъ окончить обѣдъ, а дожидаться окончанія его и потомъ сѣсть за столъ одному показалось мнѣ не вѣжливо, потому и рѣшился я возвратиться къ своему супу, хотя не безъ сожалѣнія, что лишился возможности принять благословеніе

¹⁾ Въ схимѣ опять Филлишъ. до постриженія въ монашество обыкновенно ходившій съ тяжелымъ посохомъ, наверху котораго приделанъ былъ мѣдный голубъ Филлишъ бытъ основателемъ нещернаго отдѣленія при Гевсиманскомъ скитѣ (близъ Сергіевой Лавры) и Боголюбской Киновіи, близъ него, гдѣ 18 іюня 1861 г. и служилъ митрополитъ Филаретъ

²⁾ Послѣ архимандритомъ Сотовецкаго монастыря († 1891)

³⁾ Пустынь св. Параклита, описаніе которой издано отдѣльною брошюрою Москва, 1880 2-е изд. М. 1892

⁴⁾ Преосв. Леонидъ

1861 г. владыки. Это произошло, какъ узнать я послѣ оттого, что въ сей праздникъ ранѣе обыкновеннаго началась въ монастырѣ литургія.

Какъ-бы то ни было, не вкусивъ праздничной трапезы вашей, я до излиха пресытился въ вашъ праздникъ любви вашею и сладкою мыслию, что находясь отъ васъ въ довольно далекомъ разстояніи, я находился въ самомъ близкомъ общеніи дружбы и доброты, которымъ поручая себя, съ истиннымъ уваженіемъ и глубочайшею преданностію честь имѣю быть“...

25-го ч. писала мнѣ изъ с. Кленова А. Б. Нейдгартъ:

„Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, что я въ деревнѣ, и только теперь собралась писать вамъ, почтеннѣйшій о. ректоръ. Я была нездорова, и довольно серьезно, хотя не продолжительно; около 50 пѣвковъ снова поставили меня на ноги, но слабость моя продолжалась нѣсколько времени.

Жизнь моя здѣсь—мирна и спокойна. Живу и наслаждаюсь природою, сродняюсь съ нею душою, и все существо мое такъ сливается съ нею, что я восклицаю вмѣстѣ съ Державинымъ: „частица цѣлой я вселенной“! Въ лѣтній вечеръ, послѣ обыкновенной маленькой прогулки моей, я обыкновенно сажусь на балконѣ, одна съ размышленіями и грезами моими; кормлю своихъ птичекъ, которыя слетаются на голось мой, и часто, часто повторяю слова Евангельскія: „Смотрите на птицъ небесныхъ! Онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ“! Все на что ни посмотрю я въ природѣ, напоминаетъ мнѣ изреченія Евангельскія. Я писала преосвященному 1), что когда, утромъ, смотрю я на облака, они представляются мнѣ райскими обителями, назначенными праведнымъ послѣ земной жизни ихъ, и мнѣ кажется, что вижу тамъ и сады, и рощи.

Патры, и духъ мой внушаетъ мнѣ: „въ дому Отца Моего обители многи суть! Вы не можете себѣ представить, какъ бываетъ отрадна душа моя, когда вечеромъ я сижу одна на балконѣ частицею цѣлой вселенной.

Не смѣйтесь надо мною, батюшка о. Савва. Внутреннее благоговѣніе къ Богу, при созерцаніи природы, есть такое восхитительное состояніе души, служащее предвзвѣщеніемъ

1) Леониду

жизни уже неземной, что каждый изъ насъ долженъ жаждать наслажденія этого. Отъ искренности сердца, васъ любящаго, желаю и вамъ воспользоваться благодатными дарами природы, изливаемыми на насъ щедрою рукою милосердаго Отца нашего Небеснаго, желаю, чтобы вы вполне сочувствовали мнѣ въ радости духовной моей и, вмѣстѣ со мною, ликуя, воспѣли пѣснь благодаренія Отцу міровъ!

Получила я наконецъ просфору вашу, но уже не въ прежнемъ видѣ ея. Я сняла плѣсень съ нея и зеленый мохъ, и разрѣжу ее на куски и высушу. Вѣроятно, вы скоро пріѣдете въ Москву, и тогда, быть можетъ, будете имѣть нѣсколько свободнаго времени, чтобы написать мнѣ. Вы знаете, какъ мнѣ пріятны письма ваши! Приготовьте письмо, а я постараюсь прислать въ Петровскій за нимъ, а то передайте его о. Филарету ¹⁾, который направитъ его ко мнѣ.

Прощайте, почтенный и добрѣйшій о. Савва, благословите меня мысленно и почаще молитесь за преданную вамъ душою“...

Того-же 25-го ч. писалъ мнѣ изъ Москвы мой монастырскій казначей о. Иосифъ:

„Праздникъ отпраздновали благополучно. Послѣ стола приглашены были въ садъ, и тамъ былъ поданъ кофе; довольно побылъ въ саду преосвященный съ гостями прочими, а о. ректоръ съ о. инспекторомъ послѣ преосвященнаго съ часъ времени посидѣли; но жаль только одного гостя—прот. Сергія Ивановича, котораго я, по приказанію вашему, просилъ къ 12-ти часамъ, но онъ пріѣхалъ безъ четверти въ часъ. Преосвященному угодно было измѣнить благовѣсть къ обѣдн часомъ раньше обыкновеннаго, вмѣсто 9-ти въ 8-мъ, о чемъ даль знать во время всенощпой. Въ 11-ть часовъ окончена литургія, въ 12 сѣли за столъ. Сергій Ивановичъ и пріѣхалъ къ концу обѣда, такъ и уѣхалъ; въ этомъ я не виноватъ ни мало.

Въ надеждѣ на ваши молитвы честь имѣю быть вашего высокопреподобія низжайшій послушникъ К. іеромонахъ Иосифъ“.

27-го ч. писалъ мнѣ изъ Москвы профессоръ К. М. Невоструевъ:

¹⁾ Іеромонаху Саввинскаго подворья.

1861 г. „Честь имѣю покорнѣйше и душевно радуясь привѣтствовать ваше высокопреподобіе съ монаршею милостію, о которой узнать я вчера изъ письма отца протоіерея Александра Васильевича ¹⁾).

Очень жалѣю, что не буду имѣть удовольствія лично узрѣть васъ въ семь украшеніи и принести вамъ мое привѣтствіе въ предпринимаемый мною вояжъ къ вамъ на память пр. Сергія ²⁾). Вы, слышалъ я, тотчасъ послѣ экзаменовъ вашихъ отправляетесь на ревизію въ Ярославль.

„Добрый вамъ путь и мой привѣтъ
Царицѣ рѣкъ, разгульной и жпвой,
Такъ величавой и широкой,
Такъ грозной тамъ—внизу, далеко.
Какъ горы тамъ идуть ея валы,
И тщетно бьютъ въ Симбирскія скалы...
Тамъ видѣла она орды Аттилы, Тамерлана
И войски нашего царя Ивана.
Понла племена пчезнувшихъ Болгаръ,
Потомъ Монголовъ и Татаръ,
Орды Батыевъ, татаръ Казанскихъ
И Камъ, сей сестрѣ, соперницѣ всегдашней,
Рѣкѣ моеи домашней...
Хоть я прозаикъ, не поэтъ,
Мое имъ шлю почтеніе, привѣтъ.

У насъ по кремлю и по библиотекѣ все обстоитъ благополучно.

Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною признательностію за добрую вашу и снисходительную ко мнѣ память честь имѣю навсегда быть“....

Въ продолженіе всего почти іюня происходили у насъ, въ академіи, экзамены, сначала частные, а за тѣмъ и публичные. Публичные были 26 и 27-го ч. На нихъ присутствовалъ митрополитъ; владыка приходилъ на нѣкоторые частные экзамены. Тѣ и другія испытанія на первый разъ прошли для меня очень благополучно. Послѣ своихъ домашнихъ экзаменовъ, мнѣ предстояло еще присутствіе на чужихъ испытаніяхъ; я долженъ былъ отправиться, въ первыхъ

¹⁾ Горскаго

²⁾ 5 іюля

числахъ іюля, на ревизію въ Ярославскую семинарію и 1861 г. осмотрѣть сверхъ сего два училища — Ярославское и Юрисооглѣбское.

1-го іюня писалъ я совоспитаннику своему по академіи, ректору Смоленской семинаріи, архим. Моисею, въ отвѣтъ на его письмо отъ 21-го февраля:

„Простите великодушно, что такъ поздно отвѣчаю на ваше любезное письмо отъ 21-го минувшаго февраля. Причиною сего частію разные недосуги, а болѣе всего ваша неудобополнимая просьба, изъясненная въ этомъ письмѣ.

Скажу вамъ откровенно, любезнѣйшій отче, что мнѣ было-бы весьма, весьма пріятно удовлетворить вашему желанію: но послѣ долгихъ размышленій и совѣщаній съ старшею братією по конференціи, я пришелъ къ тому убѣжденію: что исполненіе вашего желанія весьма затруднительно, если не совершенно невозможно. Согласитесь сами, что Конференціи академической мудрено сдѣлать вамъ и кому-бы то ни было снисхожденіе въ награжденіи ученою степенью; а получить ее заслуженно въ ваши лѣта и при вашихъ служебныхъ обстоятельствахъ еще мудренѣе. Да и нужно-ли вамъ теперь, при вашемъ санѣ, усиленно домогаться магистерскаго креста? Вѣдь магистерскій крестъ только до тѣхъ поръ имѣетъ особенное значеніе, пока нѣтъ какого-либо другаго креста. И званіе магистра особенно важно только въ началѣ духовно-училищной службы; а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе оно забывается, особенно въ монашествѣ, такъ что на высшихъ степеняхъ церковнаго служенія все почти равно, магистръ ли кто, или кандидатъ: тутъ — уже на первомъ планѣ не столько ученое достоинство, сколько практическія заслуги. Итакъ, какъ доброму другу, совѣтываль-бы я вамъ, послѣ тринадцатилѣтнихъ трудовъ, вовсе не думать о томъ, что вы кандидатъ, а не магистръ. Дѣло не въ титулѣ, а въ дѣлѣ, въ усердномъ и добросовѣтномъ исполненіи своихъ обязанностей. Вмѣсто сюрприза, препровождаю къ вамъ при семъ ваше курсовое сочиненіе.

Что скажу вамъ о себѣ? Благодареніе Господу, у меня все пока обстоитъ благополучно. Послѣ полугодичныхъ трудовъ на новой службѣ, наслаждаюсь теперь краткимъ от-

---

1) Рыбальскому

1861 г. дохновеніемъ. 26 и 27-го минувшаго іюня были у насъ публичныя экзамены, которые на первый разъ сошли у меня съ рукъ, какъ нельзя лучше. Владыка былъ очень благоклоненъ и даже весель. Послѣ перваго экзамена, по обычаю, мы имѣли обѣденный столъ у него; а на другой день онъ удостоилъ откушать у меня,—что для всѣхъ показалось знакомъ особеннаго ко мнѣ благоволенія. Вообще, въ продолженіи всей 11-ти лѣтней моей службы подъ покровительствомъ высокопр. митрополита, я очень счастливъ его архипастырскимъ ко мнѣ вниманіемъ.

Съ 10-го сего іюля мнѣ предстоятъ новыя, небывалыя для меня труды: мнѣ назначено обревизовать Ярославскую семинарію съ двумя ея училищами. По совершеніи этихъ, правду сказать, скучныхъ трудовъ, я поспѣшу въ Москву, въ ввѣренную мнѣ Высокопетровскую обитель,—и тамъ-то уже, среди моихъ старыхъ и добрыхъ знакомыхъ, надѣюсь вполне отдохнуть душою“.

3-го іюля 1861-го г. исполнилось 40 лѣтъ со времени вступленія митрополита Филарета на Московскую кафедру. Явились въ лавру, для привѣтствія высокаго юбиляра, представители отъ всѣхъ сословій обширной Московской паствы. Не осталась безъучастною въ этомъ знаменательномъ юбилейномъ торжествѣ своего архипастыря и Московская академія. Она поднесла чрезъ меня его высокопреосвященству адресъ слѣд. содержанія:

„Высокопреосвященнѣйшій владыко,

Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Въ то время, какъ паства твоя и служители алтаря Христова, тобою правимые, приносятъ молитвы благодаренія Господу Богу за благодѣянія твоего сорокалѣтняго правленія, и соревнуя другъ другу въ благомъ усердіи, спѣшатъ ознаменовать день сей памятными дѣяніями и жертвами: можемъ-ли оставаться безмолвными зрителями мы, приставники и дѣлатели духовнаго вертограда, тебѣ отъ юности твоей близкаго и тобою пастырски руководимаго?

Ибо, что сей вертоградъ, какъ не преемникъ того расадника духовнаго, въ которомъ впервые раскрылось въ Церкви Божіей и твое высокое призваніе и обиліе дарованій духовныхъ, тебѣ отъ Господа сообщенныхъ? Не здѣсь-ли въ отрокѣ Самуилѣ познался пророкъ Божій? Не здѣсь-ли, въ